

СМЕНА

★ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ ★

1925

№ 15

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

Е. МЕЛАМЕД

Для того, чтоб летом не потели ноги, необходимо носить возможно более легкую обувь (сапожки, легкие парусиновые туфли). Но этого, конечно, мало. Нужно, кроме того, как можно чаще мыть и после мытья присыпать их порошком — тальком, который можно купить в любой аптеке. Если от сильного потения образуются трещины на коже между пальцами ног, как это иногда бывает, то после мытья ног лучше всего смазывать трещины борным вазелином, а уже после их заживания начать присыпать тальком.

КАК ИСПОЛЬЗОВАТЬ ЛЕТНИЙ ОТПУСК С ПОЛЬЗОЮ ДЛЯ ЗДОРОВЬЯ

В такой обильной форме отдыхать гораздо интереснее и целесообразнее использовать.

КОКЛЮШИ И Х-ЛУЧИ

Коклюш уносит ежегодно большое число детей и до сих пор не было средства для излечения его, кроме перемытия вымята.

Американские клиники начали применять лечение Х-лучами, что дало самые блестящие результаты. Лучи направляют поочередно на грудь и спину маленького пациента, при чем глаза его защищают темными очками от прямого осветительного света лучей.

Путем рефлекторов лучи можно направлять на ту или иную часть тела. «Доза» лучей должна быть около 1/2 доль количества, которые требуются для та же названного «загара». «Дозы» даются сначала через день, светом до 3-х; затем, после 7-дневного перерыва — лечение повторяется.

ШКОЛА — НЕБОСКРЕБ

Патбургерский университет (Америка) закончил выработку плана своего нового здания «Собора науки» — как его решено назвать.

Небоскреб будет иметь 52 этажа, высотой в 230 метров и рассчитан на 12.000 студентов. Стоимость этого сооружения намечена в 10.000.000 долларов или около 20 мл. рублей.

завинта отпуска. Необходимо учесть прежде всего состояние вашего здоровья. Но если предположить, что вы здоровы и только переутомлены работой, то необходимо прежде всего быть или можно больше на воздухе и солнце, делаясь обычные статьи, рано вставать, соблюдать правильные промежутки между едой. Лучше всего, конечно, отпускные время провести где-нибудь за городом.

КАК ПОЛЬЗОВАТЬСЯ СОЛНЕЧНЫМИ ВАННАМИ

Прежде всего необходимо убедиться в том, что солевые ванны вам не вредны. Есть ряд болезней, при которых солевые ванны не рекомендуются (например, при некоторых сердечных заболеваниях). Солевые ванны можно принимать не только на юге, в Крыму, но и в любом месте

Советского Союза. Для этого нужно иметь открытую площадку, лучше всего, конечно, в таком месте, чтобы было поменьше городской пыли.

Относительно дозировки (продолжительности) солевых ванн существуют разные мнения среди врачей. Прежде всего необходимо учесть, как вы воспринимаете солнце. Если вы быстро утомляетесь, ирригация после солнечных ванн, много спать, то вам нужно меньше ванн, вам нужно начинать с очень малых доз от 3-х до 5 минут лежания на солнце, постепенно увеличивая это время и доводя его до 1 часу. Но существует и другое мнение, а именно, что в тех случаях, где солевые ванны служат болонду, нужно использовать их возможно больше, не прибегая к такой точной дозировке и ирригации, конечно, переутомления и ожогов.

Обычно солевые ванны начинают с очень малых доз от 3-х до 5 минут лежания на солнце, постепенно увеличивая это время и доводя его до 1 часу. Но существует и другое мнение, а именно, что в тех случаях, где солевые ванны служат болонду, нужно использовать их возможно больше, не прибегая к такой точной дозировке и ирригации, конечно, переутомления и ожогов.

НОВОСТИ НАУКИ И ТЕХНИКИ

НОВЫЙ ТИП 'ЛУЧЕВОЙ' МАШИНЫ

В берлинских клиниках начали применять этот тип камеры для лечения лучами. Камера имеет яйцеобразную форму, вход ее расположен в виде пуклуры двери.

Внутренние стенки камеры и пол — из чистого изотопного алюминия. Таким образом нет ни малейшей утечки лучей, которые отражаются от металла, падают на пациента со всех

сторон. Этим достигается равномерное прогнание всего тела. Болезни, излечиваемые этим способом — туберкулез, хроническое рахит. Врачи утверждают, что лучи этой камеры имеют те же свойства горючего солнца.

На рисунке показан внутренний вид лучевой машины. С левой стороны

ВМЕСТО ЛИШНИХ КОМНАТ — СТЕННЫЕ ШКАФЫ

Недостаток жилища заставляет искать способы создать вынужденный комфорт на небольшой площади.

Англия и Америка сделали в этом отношении выразительные успехи. Вышли из комнаты кабинеты. В стенах износила-замаскированные шкафы. Открываете один — из стенок открывается ирригация кровати и ночной столик; в другом — ванна; в третьем — электрическая кухня; в четвертом — обеденный стол.

ПРЕДОХРАНИТЕЛЬНАЯ СЕТКА НА ПОСТРОЙКЕ НЕБОСКРЕБА

Работе на постройке американский небоскреб может застать за пояс любого циркового акробата смеялостью своих движений на высоте 200—250 метров над улицами города.

В последние время американский профсоюз потребовал от предпринимателей, чтобы они укрепили предохранительную сетку под тем этажом, где производится работа. Но американские предприниматели редко понимают это требование.

„Южацька Правда“

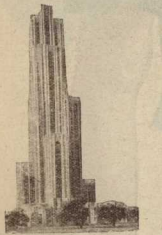
Орган Волгубовку ЛКСМУ.

Выходить два раза на неделю. До газеты двохтижневий додаток: «ДИТИ ЖОВТНЯ».

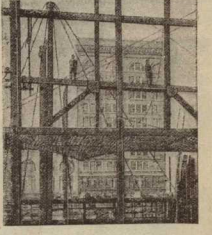
УМОВИ ПЕРЕДПЛАТИ:

В місяці:	1 міс.	3 міс.	6 міс.	1 рік	Для сім'яноверод, ЛКСМУ, Югтя членів воєнної армії:	1 міс.	3 міс.	6 міс.	1 рік
Нинішній додаток 3 доставлено на дім	-30	-90	170	340					
Коллективна	-25	105	210	420		15	45	87	170

Для істотного, вивчаючи редакції, платитися, скасувати за винак утворю: на 1 міс. — 25 коп., на 3 міс. — 75 коп., на 6 міс. — 1 руб. 40 коп., на 1 рік — 2 руб. 80 коп. Передплата приймається в редакції газети: м. Миколаїв, вул. Мислов Реди, ч. 19 (3 я поверх).

Школа — небоскреб.

Предохранительная сетка на постройке небоскреба.

СОДЕРЖАНИЕ: «Внимание пионеркам!» (переводы), Г. НИКИФОРОВ.— Седые дни (отрывок из повести), Н. СТЕПНОЙ.— Племни (рассказ) В. ЗОРИН.— Красные галстуки (отрывок), П. ОВАЛОВ.— Эпический отрывок (стихи), В. ЗИН.— Пioneры в лагере (очерк), А. Ленин Жаров (статья), Б. НАБАТОВ.— Успехи современной науки (очерк), Г. М.— Война под водой (статья), З. ЧЕБО ТАЕВ.— Прогнозический анализ коммунистический, Г. И.— Маскарады войны (очерк), Чингачи «Сны» о независимости (статья), Б. ГРОМОВ.— Ручной мисс (Ханбол) (статья), Страница юмора — С. СПАРТАК.— Подпольный морской волк (фильм), Е. МЕЛАМЕД и Вад. МУ РАЙБЕВИЧ.— «Беседы врача». К. ОРЛОВ.— Помощь юриста». Новости науки и техники. Ребусы, шарady и загадки. Почтовый ящик.

Обложка раб. художника С. ВОЛУЧКОГО. Иллюстрации художников А. ПАПТЕВА, К. УРБЕТИС и др. Фотографы Ф. ЗУБОВА и др.

„СМЕНА“

приложение к газетам:

- 1) „МОЛОДОЙ ЛЕНИНЦЕЦ“—орган Московского Ком. РККА.
- 2) „НА СМЕНУ“—орган Уралбюро Центрального Ком. РККА.
- 3) „МОЛОДОЙ ЛЕНИНЦЕЦ“—орган Центрального Ком. ЛКСМУ.
- 4) „МОЛОДОЙ ШАХТЕР“—орган Донецкого Губкома ЛКСМУ.

СМЕНА

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ
ИЗДАНИЕ
ЦЕНТРАЛЬНОГО и МОСКОВСКОГО КОМИТЕТОВ
РОССИЙСКОГО ЛЕНИНСКОГО КОМУНИСТИЧЕСКОГО СОЮЗА МОЛОДЕЖИ.
ИЗДАНИЕ „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА

за 1925 год.

На 1 год — 24 ном. . . . . 5 руб. 00 коп.
• 6 мес.—12 „ . . . . . 2 „ 75 „
• 3 „ — 6 „ . . . . . 1 „ 25 „

РЕДАКЦИЯ и КОНТОРА:

Москва, Новая Платоновка, д. 6/7, Тел. 1-49-13.
Русскими деньгами не возвращаются

ВНИМАНИЕ И ВНИМАНИЕ ПИОНЕРАМ!

В СВОЕ время боевым лозунгом детского коммунистического движения являлось задание: на каждого комсомольца—пионер. С той поры детское движение под знаком коммунизма приобрело необозримый размах. Пионеры стали притягательной силой такой мощи, что не может быть и тени сомнения в дальнейшем бурном и непрерывном росте.

В других отношениях детское движение также не топчется на месте. Мы, постепенно, отделяемся от вредных

увлечений маршировкой и закаливанием. Мы вводим в разумные границы нагрузку юных пионеров, которая вначале подкашивала детские организмы. Мы переходим от партизанщины в деле воспитания, когда в каждом отряде—свой устав, к твердой, законченной, во всех звеньях выверенной системе работы.

Раньше мы росли преимущественно вверх,—сейчас мы уже поднимаемся вверх и вверх. Мы, ибо юные пионеры это плоть от плоти, кровь от крови, родимое детище Комсомола. Ибо они—

не только детище Комсомола, но и боевой союзник наш на фронте борьбы за новую жизнь и продолжатель, победоносный до конца, этой великой борьбы.

Больше внимания этим соратникам нашим в красных галстуках и козырьках!

Достичь предельного качества в своей работе они смогут лишь при неустанной поддержке старших братьев комсомольцев.

Всегда в старших братьях комсомольцах.

На секунду отчаянный визг, заглушает все: стена людей подалась назад, вглубь переудка, но через минуту с яростным криком двинула вперед, выдирая камни мостовой и бросаая их в лошадей и седоков.

Драгуны схватились за шашки, но тут же трое из них были выброшены из седла и барахтались в грязи. Лошади, почувствовав себя свободными и напуганные криками, взлягнули под ударами камней, оскандали вдоль улиц; остальные драгуны бросились на помощь к товарищам. Завязалась свалка; где-то отчетливо треснула выстрел и в мозголю сырости потянуло пороховым дымом.

— А-а-а—прохвасты, свободу обьявляи, манифесты печатали, черти, а теперь бить убивать, ии-е-ет, мы вам покажем, как шутки шутить!

— Товарищи, на Никитскую, туда понесли!

Андрейка не расслышал, что еще кричали в толпе. Антон схватил его за рукав и оба побежали за угол.

В очищенную от охранителей улицу хлынул народ.

Андрейка оторвался и, споткнувшись, упал в углубление подвального окна.

— Чорт его знает, ничего не разбираешь, куда бегут все.

Покуда вылезал и отряхивался, Антон исчез.

Толпа захлестнула Андрейку и понеслась визг по бульвару. Кое-где из открытых ворот домов выглядывала полиция, поблескивая начищенными блестями.

Бежавшая по тротуару женщина, одетая в мужское пальто, грозилась и кричала:

— Попригались, голубчики. Отшлошо ваше время, господствовалои сволочи.

Около угла Никитской толпа растеклась вправо и влево, Андрейка неожиданно наскочил на движущуюся цепь людей. За цепью шли построившись в ряды: рабочие, студенты, курьески, солдаты и офицеры в шинелях, но с закрытыми погонями. Потом появился гроб, а впереди шагов за двадцать Андрейка увидел Антона, шагавшего с венком в руках. Проскользнув через цепь, догнал брата.

Антон обрадовался:

— Ты откуда вынырнул. Я уже думал тебя задавили. Смотри, не отставай теперь, на Ваганьково пойдём. Видишь сколько народу,—вся Москва высыпала.

Андрейка глаза растерял: впереди высокая, стройная женщина, с непокрытой головой, несли бархатное знамя; голова была откинута нейного назад, большие глаза переливались синевой, как будто в них застрял кусочек солнца, но на лице и в кончах губ изогнулась строга и сухая печаль.

Напрягая мысль, Андрейка пытался припомнить: где и когда видел он точно такую же женщину со знаменем, только у той волосы были распущены, правая рука поднята высоко над головой, в левой развивалось знамя, а позади шли тысячи людей, потрясая оружием.

Мысли прыгали, скользяи, и прятались... Увлекало торжественное, стройное: пенне, от времени до времени оно перелазло вкриками.

— „Долой самодержавие, да здравствует свобода“.

Выкрики подхватывались тысячами голосов и, перекатываясь, шли по рядам.

Из око: домов, с балконов и крыш махали красными платками.

Гордо выпятил грудь, Андрейка шагал рядом с братом, воображая себя полководцем. Единственным его желанием было ехать впереди всех на лошади, махать обнаженной шашкой, как полагается настоящему полководцу, и греметь в трубу.

Около кладбища цепь прорвалась, пропуская гроб.

Заволакиваясь облаками, мурилось небо.

Протискиваясь вперед, Андрейка взлез на дерево.

Красный гроб поставили рядом с могилкой. И вот в наступившей тишине, среди деревьев с пожелтевшей печальной листвой, поплыли, перелетаясь, звуки тысячелогосного хора:

„...Ве-е-ча а-я па-а-мя-а-ать“.

Потом из кольца, окружающего гроб, выскочил коренастый седобровый старик, взобравшись на скамью, он потряс Фуражкой и заговорил.

Начал он тихо, чуть ли не шопотом, но с каждым словом голос его крепчал и под конец зазвенел, как наковальня под ударами молота.

— Товарищи! Светлые дни победы рабочего класса омрачились смертью старого борца за свободу!

На знамени восстания брызнула горячая кровь и загла наши сердца.

Рукой черносотенца Михальчука был убит один из виднейших революционеров—товарищ Бауман.

Только что освобожденный из тюрьмы, он вместе с нами пошел на приступ, на последний бой с самодержавием и первый пал жертвой.

Октябрьские дни 1905 года будут памяты нашим детям.

Проклятие убийцам! Здесь около гроба погибшего товарища мы поклянемся отомстить за его смерть.

К оружию, а-я варики, на баррикады!

Андрейка чувствует, что у него начинает что то остро жечь в груди, он смотрит сверху вниз на брата, машет ему и кричит звонко во всю силу легких, покрывая глухой гул толпы:

— На баррикады, товарищи! Знамена медленносгибаются.

Вдруг глаза кричавшего Андрейки ткнулись в открытый гроб и, расширившись, остановились.

Бледное и спокойное теперь лицо он видел совсем недавно. Это было в тот день, когда в сумрачных улицах города запылал праздничный день. Люди ходили пьяные от крикливой радости: при встречах целовались, трисли друг другу руки и, остановившись, читали вслух царский манифест 17 октября 1905 года.

Смуты и волнения в столицах и во многих местностях империи нашей великой тяжелой скорбью преисполнило сердце...

— Брось, давай даешь,—прерывали нетерпеливые голоса.

— Чего там...

„На обязанность правительства возлагаем мы выполнение непреклонной воли нашей“.

— Ага, „возлагаем“, ну, ну!

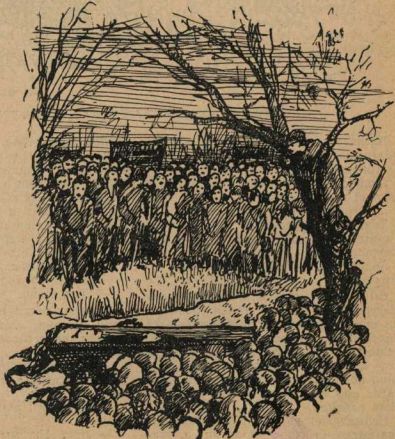
1. Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов“.

— Даровать! Ах, что тебя, черти...

2. Не останавливая предназначенных выборов в государственную думу, привлечь теперь же к участию в думе, по мере возможности, соответствующей краткости остающегося до созыва думы срока, те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав, предоставив за сим дальнейшее развитие начала общего избирательного права вновь установленному законодательному порядку“.

— Порядок.—Знаем мы порядок: боятся, как бы господ не изобидели. А заводы где? Почему про заводы не указано—кричал пожилой рабочий, выпирая грубую вперед.—Свобода для народа, голуборухому ходить—ишь ведь, освободители глаза замыкают“.

— Так нельзя, господа,—возвысил голос чтец,—государственный аппарат

Протискиваясь вперед, Андрейка взлез на дерево.

требует, чтобы все по закону. В манифесте ясно сказано:

„3. Установить, как неизбежное правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения государственной думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от нас властей“.

— Чего лучше, — вмешался рабочий, — выходит опять от их же власть настала будет. Эх, вы! Обрадовались... Нет, если по нашему дак уж...

— Чего по вашему? Ну-ка, скажи чего? — подскокил к рабочему низкорослый толстый человек в засаженном пиджаке с подоткнутым под ремешь фартуком. — Заводы понадобились, хозяев не надо, царя не надо, так что-ле?

— Граждане, граждане! — Ни-е-ет, погоди, пусть он скажет, — пелушится толстак.

Что ответил рабочий и ответил-ли, Андрейка не слышал. Зато отлично помнил, как потом небольшие кучки рабочих стали объединяться. Число их росло, появились откуда-то красные флаги; толпа быстро увеличилась, как пущенный под гору снежный ком.

приблизился к пролетке и силой ударил по голове сидевшего со знаменем.

Демонстранты в ужасе замерли. Медленно склонилось знамя, и тот, кто лежал теперь в гробу, покочнувшись, упал навзничь, без единого крика и стоана. Нечеловеческий вой и крики: Держи, держи.

Андрейка в оцепенении закрывает на минуту глаза, хочет бежать, дергается на месте, разнимает руки и валится с дерева прямо на плечи подошедшего Антона.

— Андрейка, заснул что-ли?

— Антон, слушай, я знаю, знаю...

— Что знаешь, да ты проснись, вот чудак.

— Его знаю, которого схоронили, товарища, Баумана!

— А знаешь, так запомни.

— Запомню, Антон.

Вечер. Тяжелой запотевшей грудью ложатся на деревья тучи.

— Идем, Андрейка, надо отнести знамена, туда на Моховую, в университет.

Между могильных плит, памятников и покосившихся крестов, по намокшей листве шорох ног.

Где-то заплутавшимся земляным валом хватает обувью липкая грязь.

Ленивый дождь нехотя вышел на

— Странно, может быть не встретится.

— Может быть.

— Э-э, вот чорт, на то идем.

— Правильно, чего там.

Нет улиц... Серые, промокающие стены домов-пустынь мертвый коридор. Изморозь и мгла, цепляясь за выступы, падает под ноги. Навстречу медленно выплывает бледное пятно.

— Устал, Андрейка.

— Нет, ничего, ноги только.

— Что, промочил? Ну ладно, сейчас дойдем. Михайловский манеж вон.

Спотыкаясь в ухабах, первая группа со знаменами за угол в ворота университета.

Длинный, белый, как огромный катафалк выпирает Михайловский манеж.

— Нны-и-и, так, так, так, так...

— Ррр-а-ах, ррр-а-ах...

— Бери ниже, ниже, чорт! В небо

целишь, дьявол.

— Ва-аш.

— Молчать свол-а-а!

— Товарищи, берегись!

— А-а-и-и-и.

— А-а-а...

— Антон, Антон.

— Ложись, Андрейка, ложись.

Знамена под ногами, полосами крови черной и густой в грязь.

Завылась салка; где-то отчетливо треснула ецстрел и в мовзлой сростми потянуло порохомым димом...

Вначале толкались на месте: кто-то, придерживаясь за фонарный столб, начал говорить.

Люди с флагами вышли вперед. Голос высокий и звонкий зашел:

«...Отречемс от старого мира“.

Толпа дрогнула, старик но жажнуи о камня мостовой, улица захрохотала, заволновалась.

Андрейка, пританцовывая, шел по тротуару.

Вышли на немецкую. Около фабрики Дюфурмангеля новая толпа рабочих; они молча наблюдали приближавшихся демонстрантов, не решаясь, видимо, присоединиться. И вот тут шедший впереди всех человек вскочил в пролетку, случайно подвернувшегося извозчика и, захватив красное знамя, поехал к ожидающим рабочим.

Неожиданно из ворот фабрики Шапова выскочил взрослый детина и, размахивая длинной, железной, палкой, бросился наперез извозчику, быстро

ночное дежурство. Вдоль заборов и стен крадется хныкающий и бесприютный ветер, редкие фонари затылок в улицу, глазами в щели стен. В ворота темные дыры, при слабом свете спички, блеснет и тут же скроется начищенная медная пуговичка, не то трехгранный штык, мертвым языком вехр.

— Не упускать из виду.

— Слушайсь-с...

— Будут расходиться, катый.

— Так точно.

Возвращаются нестройно разомкнутыми рядами, отдельными группами, говорят вполголоса, ни выкриков, ни пеня.

— Поздно, надо уходить.

— Подождите, товарищи, будет митинг.

— Где же? Промокли и продрогли, непогодь.

— Да... Ну, мы направио, до утра значит. Шли бы до дому, товарищи.

— Нет, что уж, тут недалеко теперь.

Сеазивая колени о камни, Андрейка ползет за Антоном, перепуганный и дрожащий ветер, редкие фонари затылок в улицу, глазами в щели стен. В ворота темные дыры, при слабом свете спички, блеснет и тут же скроется начищенная медная пуговичка, не то трехгранный штык, мертвым языком вехр.

— Откройте, спасите, товарищи.

Тихо. Мелькнул огонек и пропал.

Так... Рррррр, так, так, так...

— Пусти, Андрейка. Не хотат мерзавцы.

Антон изгибается, выдвигает ногу, нажимает каблучком сапога; тренькая, сыплотся стекла.

— Лежь сюда, давай руку, — командует Антон. Задррается тужурка, запроваленная в штаны рубаха переползает на голову, осколки царапают голое тело. Андрейка нацупывает пол.

Бегут по сводчатому проходу. Выстрелы рвутся гулоу.

Несколько ступеней вверх — полукруглый зал. Натыкаясь в темноте на стулья и столы, пробрались к окну.

— Подожди, Андрейка, я первый, прыгать придется, не бойся невысоко. Антон бесшумно скользит вниз через минуту тянутся руки, слышатся команды.

— Ну, гол, раз—два, смелей.

Ничего не видно. Андрейка боится оглянуться назад, ежится, выбирает голову между плеч, кажется: вот, вот скважит из темноты пустого зала длинные, цепкие руки, будут душить. Пербрасывает ноги через подоконник, рвет ветер, полы тулужки надуваются парусом. Андрейка закрывает глаза и падает. Ногами угодил Антону в живот, брат скользит по мокрому откосу и валится в лужу.

— О, чорт тебя...

— Я...

— Тише, тише, не ори.

Огляделись. Из-за крыш бояливо выглянули кусочек луны, мигнула—скрылась. Еще гуще тьма.

Сердце лезет в горло, дышать нечем, в груди палит. Никитская разлеглась во мгле все окликая и упрямая, как серая беспричинная тоска. Бегут по Кудринской. Хлипко жалуются под ногами жидкая грязь. Холодно и сыро.

Отчего так тяжело давит и пахнет густым запахом мертвечины.

— Антон, Антон, остановись, устал я...

Ноги отяжелели, одна мешает другой. Антон молчит до Сенного базара. Остановился на выходе улицы, прислушался и грузно плюхнулся на ступени торгового лабаза, голова упала между остро выступающих колен.

Глухо сжимая зубы, застоял.

У-у-у-мм. Убийцы—сволочь.

Андрейка не может отышаться, привалился спиной к двери, грудь на ветер, фуражка сброшена, волосы припудрены изморозью. Ничего, теперь уже дома. Пустыню между торговых рядов, в предугруженной звонкой тишине каждый звук теканю отчетлив.

По краю кровной площади тарактит пролетка. Скричавшись на козлах, перебросив вожжи через руки, дремлет извозчик.

Лошадь трунит негерольной рысцой со двора, выбивая стертими подковами

одно и то же, одно и то же: тяп-ляп, тяп-ляп, тяп-ляп.

Ларьки и палатки, закружившись в центре, драные и растрепанные, притулились друг к другу, выгорбив дырявые спины, заикаясь под ветром отодранная доска, хлопает обижено.

И ночь ушла нетеропливая, грузная, жирная мокрица, выкупанная в свежей крови.

Мысли продираются через паутину устали и сна. Нет следа того, что произошло, но какой-то комочек спрятался внутри, давит, выпирает вверх, тогда наступают нестерпимая духота.

Андрейка выскакивает, продирает глаза. Антон охватывает вперед, теперь совсем нестрашно, только бы дойти и завалиться спать.

Площадь быстро выскочила из-под ног: заборы, пустыри...

Деревянные домики, теплые и приветливые раскланываясь, обличают поднимающуюся. Ладно это только начало, не то еще будет...

Мать совсем не спала, всклокоченная и тревожная, отворила дверь.

— Ах, господи, я думала совсем запропала!

Пропускает Антона и Андрейке навстречу.

— Ну, а ты куда лезешь? Измазался, царь небесный, в грязище весь.

Андрейка разделся, стащил промокшие сапоги, вселоснулся под умывальником.

— Дай поесть, мамка, терпежу нет—

Мать совсем не спала, всклокоченная и встревоженная, отворила дверь.

жрать хочется.

За перегородкой скрипнула ржавыми суставами кровать.

— Антон! Ты чего там? Погоди укладываться, чайку согрею.

Не отговаривая Антон, дергались плечи, сжимались кулаки, остановившись луптые глаза уперлись в улицу.

— Убийцы—сволочь!

Поднялся, зашамыл в открытую форточку, заполозал оттуда слепое октябрьское утро...

Беспризорный

Полезли и спи: котла встала давно.
Не выдала ночь, не скажет вечер
Случайному крохожему из казны
О беспризорном Пете.

Скогда была такой удачный день:
Навзля, накуриса вбыволь.

А завтра, может быть, по ушам, как тебь,
Ебродиль придет снова.

С тех пор, как на войне побой отец
И мать спала проклятый колос,
Он навзля, как нас в родной степи отец,
Забил родную волость.

С мальчишками такими же, как он,
На крыше прикатил в столицу,
Где, заторили, есть большущий детский дом,
А угодил—в милицию.

Лишь утром милецкий полнок
К какой-то нехорошей тете.
Теперь—не вытерпеть с товарищем утек,
И зажил вбавожно.

Порю колод, колод—все атержеж.
С рабниками лезли на войны,
Так врасло все, лишь на глазах поимеж,
А петь—больно унылж.

Уже не раз пришлось держаться отмен,
Не раз он понадался как варника,
Ох, была, била по щечкам и голове,
Осталась память—шишка.

Но выкрутились, задал миру нир:
Скворобу с котлетами спер, прымис.
И в тот же день его провали «командир»,
И нет дружою имени.

Но часто в сирадной тишине котла
Он вспоминает с болью детство:
Лузайку каждую и уличку села
И кнут отца—наследство.

Вот мать—худая, желтая, как воск,
Сестра в тифу, малютки-дети,
Красноармеец Фильмон... Его забить?
Нет, никогда на свете.

Вот это—да, товарищ, старший брат,—
С ним лопь, кубы и митя конюс он.
Но кто поимет, чему он, беспризорный, рад?
Да кто поимет такого?

Макар Пасынок.

В избе-читальне

Вечер мурный светом окон манит—
Изяные железные трещки.
Проложил след в избу-читальню
Белобрысым лаптем мужички.

Дым в читальне—закачался Ладик,
Смалый чай, лавочка пластик,
В голоне крестьянских рассуждений
Окрк преобедателя застлал.

Речи лил такие председатель:
— «Наши братья в тюрьмах голодуют...
Ну-ка, зрчим,
Грнем всего ратью,
Всей деревней в Моприю родную!»

Приподнялся Парамон Инатичь,
Приподнялся Федулка Пахом:
— «Беспризорный!»
— «Нашим братьям значит...
Расскопился мойним платком!»

Уперо в окна силпало рабник,
Полыкала седьмою зад,
Омечено зарню раскниж,
Над читальней Мопровской плакат.

Николай Зарницин.

ПЛЕМЯШ

Рассказ Н. СТЕПНОГО

ДА, ТОМУ НАЗАД года два это было. Приходит ко мне родной мой племян. Работал он на заводе учеником, потом выучился токарем в ж-д. мастерских. Редко ко мне за делом, и я знал, что если придет, то всегда с подарком. Так и на этот раз...

— Ну-ка дядя, иди ко мне на свадьбу... Знаю я племянша с первого дня рождения, обрадовался несказанно.

— Молодец, — говорю, — Шуренко, что женишься, боюсь я за тебя, что ты избегаешься.

Смотрю на него: лоб, глаза — наши — рабочие, упорные.

— Кто она?

— Молодежь, рабочего железнорожника...

— Ну, это хорошо. Организуя свою жизнь, приду посмотреть.

***

Я ПОШЕЛ к ним на свадьбу с большой радостью.

Конечно, свадьба уже иная, не старая наша, брак гражданский, в загсе с утра записались.

Усадив меня племянш за стол, все честь-честью угощают.

Гуляние на выданней свадьбе известно какое. Чаю стакан, рюмку виноградного, колбасы да сыру кусок, вот и все...

***

ЧЕРЕЗ ТРИ дня зову — телефоно.

— Приходите, мой, и у меня найдется чем угостить.

Ну, они пришли ко мне оба, не просто в гости, а случился у них шумиха: дезинфекцию ввели в квартире, и им необходимо было после дезинфекции где-нибудь переночевать, — вот они и пришли ко мне. Я попросил Лелю хозяйничать, а сам стал присматриваться. Она как-то все неуменно переставляла, будто боялась запачкать руки. И вдруг меня поразил мыслю: скрывает она, не дочь кочегара, не наша... По манере ее, да по тому, как она неуменно, не по-нашему с примусом и с железной пещкой обращалась, поняла я, что не с малолетства она, а после уже, по нужде, научилась. И вот, когда племянш пошел еще кое-что купить для закуски (он был шепетлив и всегда выкладывала свою долю) — я с места в упор задал ей вопрос:

— Зачем вы племянша обвиняете? Вы дочь не кочегара, а какого-нибудь барина.

... Она захотела. Так смеялась она расслычато-искренно, будто пела. Пачея ее, вздрагивая, скимались, будто совсем уходила внутрь, а глаза думались.

— Ха... ха... кудаж вы, дядя!

— Вы серьезнее, тут не до смеха... Я знаю, кто вы.

Но она продолжала смеяться. Потом так легко и доверчиво приподняла пальчик.

— Чур, вы ему, Шуренко не говорите... Миа он мне, как никто...

Я потупился, успокоил ее, что этим шутить я не буду и что ее тайна умрет вместе со мной.

Она одернула тонкое платье, которое выдала ее доде лесняное, породистое тало. И ее большие глаза раскрились.

— Ну, слушайте, умени отец был не кочегаром, а начальником Юго-Западных дорог, а затем замесил министра. А документ мне отдала подружка, которую учил уже в революцию. Мы были с ней одноклассы, и звали ее Лелей, она заболела тифом и перед смертью сказала: «Если умру, возьми мой документ и живи. Тебе дочерью кочегара легче теперь жить будет!»

Она обрвала, будто спохватившись. Лицо переполнилось испугом.

— Ну, еще раз уговор, дядя, ему ни слова.

Я пожал руку в знак нашей общей тайны...

— Теперь, дядя, еще просьба, можно ли палу уведомить? Совсем случайно я узнала недавно его адрес.

— Не только можно, но и должно, — ответил я, — отца всегда надо помнить.

— А нельзя ли на ваш адрес ответ указать.

Я задумлился и говорю:

— Что же, говорю, я, укажите на меня, я получу и вам принесу.

После угощения я ушел вчехать к соседу оставши их одних.

***

ПОЛУЧИЛ Я ТАК через месяц письмо для Лели и пошел к ним. Их не застал, положили на стол Лелю и ушел. Ясное дело, она разве вернется и увидит.

Ай, тут не так вышло.

Вернулся-он вдвоем, а в дверях почтальовна встретила, — принес, почту отдал.

Бросил пакетиш письма, где было и письмо Лелю. Взял карандаш, да принялся вскрывать подра и быстро читать.

Читает:

«Милая, дорогая Елена!»

Вотче и! Вписалсь писемши в буквы. Пишет отец Лелю. Пишет о том, что зовут его большевиком в Россию на пост начальника дороги, памятник его знания, и хочется ему, да не знает, как быть, как там в нашей азиатской стране, все ли

по-старому на кол сажают? Или сейчас есть возможность жить? Как поскочит мой племянш, ажно до потолка, да как закричит...

— Лелю, Лелю!

Голос его дрожит. Сам весь напрягся.

Она подбежала как была одетая к нему, испугалась.

— А он ей письмо прямо в лицо тычет.

— Обманщица ты! Той-то твой отец кочегар! Лелю вздрояла, растерялась, сложив руки на груди, как поробивших в гильде и вчехала глуко объяснить, шибетать. А он и слушать не хочет, все кричит одло:

— Вот ты какая протаракта!

Крутая свая.

— Ухоло! Вой, ухоло!

Она опустила крылья и ко мне.

Прябежала, бухнулась передо мной, едва успев се придержать, подхватить... Лелю такая нежная и плачет так, как будто зыется песья перелески, что у меня у самого сердце сжалось.

***

Я ВИДЕЛСЯ ОН ко мне сам тем же вечером.

— Ты, говорит, дядя, ничего не знаешь?

Я смотрю на него. Милый широкоплечий, глазичи большие, нос, рот, лоб, вырублены, как топором, руки широкие, рабочие. Ну, весь в моего брата, в сесаря, что работал на трубочном. Такой почти вылитый.

— Чего же мне знать-то, говорю.

— Да ведь Лелю буржуйка! Она не кочегара дочь, а генерал! Его голос вздроял, — и еще какого, не простого, а белогагарного, самого настоящего. Сбежал он, ее отец, от нас заправичу, вот что!

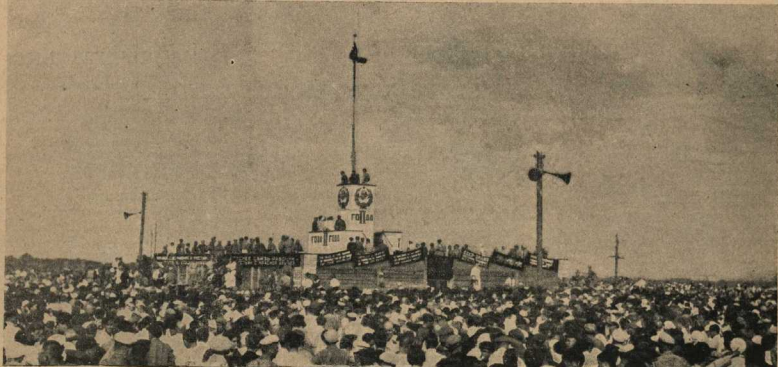
Тут меня и взорвало. Вспомнил я, как она плакала, вспоминая, как мне самому доставалось знание, с какии трудом я осиливал науку.

Да как закричу:

— Ты племянш, хоть и большевик, а дурак, дурак, чорт тебе подери! Ты пойми, ижд ты тебе беаходка: знает три языка, да так, что тебе с твоей башкой хоть и коммунистической учиться инако десять лет и то не научишься; и сама Лелю, видящи, какия характером хороша, приветлива. И накого тебе еще рожна надо. Ты смотри! А что есть отец у ней генерал, так, дурь твоя голова, разве по отцам угадывают. Сам ты знаешь, читается чуть не каждый день программы. Что, там разве связано за греки откоу—дети отеческой? Так видно, ты не программу читаешь а библюю... это там сказано, уничтожу их до третьего колена.

Я топал ногами, что-то еще кричал, а он и глазом не моргнул.

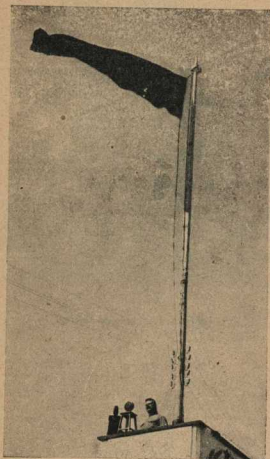
ДЕНЬ СССР В МОСКВЕ (5 июля).

Главная трибуна на Октябрьском поле.

ДЕНЬ СССР В МОСКВЕ

Тов. Фрунзе провозит речь.

Выслушав, да так спокойно:

— Ты, дядя, хоть и на войне бывал, но малограмотен, потому так и рассуждаешь. Долого тебе, дядя, говорить о программе. Ты вот походи-ка в партию, клуб, тогда узнаешь. Вот что! Я не из таковых, дядя!

— Ты с ума сошел... закричал я.
— Нет, не с ума, а только мне не полагается с врагом моим бок о бок жить.
Хлопнул дверью и вышел.

НА ДРУГОЙ ДЕНЬ пришла Лея.

Остановившись, развела руками как-то не по-нашему. Бледная, ви кровинки в лице. Слезы ручьем бегут.
— Дядя, он меня гонит, кричит: уходи, не хочу больше с тобой жить, не хочу, уходи! Не знаю, чего он хочет...

Закрыла лицо руками.
— Где мне теперь жить?
— А вы разве ушли?—спросил я.
— Да я пока у поугри осталась, только нигде у нее.

И так-то мне жаль ее стало.
Я еще долго так всматривалась. Вижу, будто есть несуществование в фигуре, а понять не могу. И вдруг промелькнула у меня мысль: уж не беременна ли? А она ровно догадалась.

— Да в том-то и дело, дядя.
Тут я и вовсе от досады готов был в окно выпрыгнуть.

— Ну, тогда вот что, перебарывай ко мне... Не бойсь, время старое прошло, дядя с племянницей могут жить и не как муж с женой... Я нам ширмы поставлю... Вот что. А родится ребенок, я его бушу сам воспитывать, покормить маленько, а ты отпусти нас на все четыре стороны.

Она долго смотрела на меня, будто ничего не понимала.

— Так не годится... раз он со мною не хочет, и я этого не хочу...—гордая она.—Вот жаль, денег нет на аборт!

Сам говорит, а слезы у нее из глаз так и хлещут.

Ну, скаж я ее руки, чтобы привести в себя.

— Это глупости, надо о сохранении ребенка подумать. А теперь и поздно, ведь вы уже три месяца с ним прожили...

И ТЕПЕРЬ я пошел прямо к нему...

— Ты это, говорю, что делаешь? В книге смотришь, а главное забываешь, будто не видишь, не знаешь...

— А что?—спросил он, не отрываясь от книги.
— Да ведь она беременна.

— Да-а-а...

Пристав, сватываясь племянн за волосы. Уставился и долго так смотрел на меня...

— Значишь, не хочу я теперь от нее ребенка. Руки его вадрожали. И варуг привнеса вышвыривать все из карманов. Полетели бумажки, рубль, полтинники—все что у него там было. Возьми, возьми, все это, да вот, я еще получу жалованье, да еще кое-что продам, пусть устроит аборт.

— Шуренок, племянн, милая, ведь я тебя постав когла-то! Ну, разве тебе не хочется от нее иметь ребенка... своего!

— Молчи... молчи... дядя... не говори! От врага я не хочу иметь ничего.
Я подобрал деньги и ушел.

ЛЕЯ СИДЕЛА и жала.

Я утаил от нее и его предложение и длинные им девять. Говорю только: «Лея, дочка, раз так, то живи у меня, а когла ребенок будет, и его усыновлю. Все равно у меня своих ребят нет. Так вот, пусть будет мой ребенок и мой племянн—сынко. А вы уйдете потом куда хотите, если захотите...»

Она vždy рррр, долго этак жала, смотрела на меня.

Верно, говорит: дядя, слову я своему никогда не изменяю. Ваш будет племянн... Вам его и отдам!...

ПОСЛЕ Я часто хаживал к племяншу. Жил он также, по-старому, все смотрелся в книжки. Все у него было по-старому—только один ступ совсем соломался.
Но прихожу однажды к нему по обыкновеню,—думаю, посмотрю племянша, вспомню свою молодость, да уйду...

А он, как бросится ко мне... И глаза у него большие, встревоженные.

— Ты, что, говорит, долго не приходишь? Где сейчас Лея?

— Так думаю, раз уж спросил про Лею, что никуда да значит.
— Первым делом—говорю,—что же, Лея, у меня, где-ж еще быть?... Чей твой мальчик мне дорог не так, как тебе. Приходи, если хочешь, посмотри на мальчонку, моего племянша, а теперь сына моего.

Он, оказалось, отца Лею встретил. А тот на советскую службу приехал, покаялся, значит. Ну племянник мой и злобу свою растерял.

УШЕЛ Я ОТ НЕГО прямо к Леас. Живая она уже отдельно от меня, у поугри. Рассказал ей все. Образовалась несказанно. Бросилась Лея ко мне на грудь, начала целовать.

— Ах дядя, как тяжело жить одной!

— Ну ладно, успокаивай ее

я,—у нас ведь есть племянн...
На другой день Шурка уже был у меня. Это в первый раз после разрыва. Он ласкал ребенка. Даже спросил как звать.

Я отвелся—Владимир. Маленькая махала руками, бегала по полу, переваливаясь, как медвежонок, хваталась то за одно, то за другое. И притворялась, будто не твердит на ногах, постоянно падала—поднималась.

Племянш за него боялся...

— Ая, ая! ушибесть.
Сидел на корточках, смеялся. И так все это было весело, солнце пробивалось в окна, а оно у нас ведь сухо, больше дождей у нас, чем солнца...
Видно, Лея. Она долго тихонько смотрела на обонх племянн. Потом как-то робко подошла к Шурке...

Шурка встал, хотел что-то сказать, но только покаж ей руку. Через час обонх и смеялся, глядя на своего маленького Обонх.

ПЛЕМЯШ СВЕЛ Лею к отцу ее, к инженеру. Разве расскажешь, какова была радость Леи. И вот стали жить все вместе и племянша моего, Вовку, к себе взяли. Однажды я пришел к ним. Влезу живот совсем хорошо. Сидят все трое. Отец инженер, за племянн, племянн чертит. Лея строит переводы. Усадила меня чай пить...

Пью я чай и поглядываю...

Племянш поднял на меня свои глаза.

— Ну, как, дядя, живешь?

— Счастлив, говорю и сам у сторону,—уж очевидно, Шуренок не по-пролетарски идеши. Ведь он, инженер-то буржуа; все-таки вспомина, как ты ушел тогда от нас... забываю видно ты все?

А племянн не дал мне и слова сказать, перебил.

— Нет, дядя, я теперь понял, что он верный работник советской власти, я раз так, то тут уж нечего тебе брюзжать.

Ничего не сказал, не ответил я. Только поглядял еще раз на Вовку и досадно мне стало...

Всплыло свое, главное...

Ну, думаю, поживут они и отдадут мне маленького племяншу.

Ведь, ой мне обязан жизнью. Ведь, я его вываля к свету...

Отпиал чай...

Я и говорю:

... Это я Вовку вываля к жизни, мой он теперь, и вы мне его отдайте, по справедливости, ведь ты партийный, должен понимать, чей Вовка теперь?

— Он, племянн, поглядя на меня, да как прыснет со смеху...

— Лея, Лея, слышишь, что дядя...
Побежала Лея.

— Слышишь, он хочет Вовку к себе взять, говорит: ой мой!...

— Да, что же—отвечаю,—равне ты, Лея, не помнишь, уговор я его воспитал настоящим пролетарем, не как вы!

Племянн в ответ подохла мне по плечу.

— Старый ты, дядя, стал и несешь чепуху.
Лея не ответила, а только рассмеялась, и, не моргая, смотрела, раскрасневшаяся, прямо мне в глаза.

— Ну, отвечаю, слез так, обмашивши ей обонх, и нет у вас совести!
Хлопнула я дверью и ушел к себе, несомоно хавбаши.

ДЕНЬ СССР В МОСКВЕ

ИНСЦЕНИРОВКИ КРАСНО-АРМЕЙСКОЕ ОКТЯБРЬСКОГО ЛАПЕРЯ.

ВВЕРКУ:—«Октябрьская революция».

ВНИЗУ:—«Коронация Николая II».

П. ОВАЛОВ.

Иллюстрации Н. О. ЛЬВОВСКОГО

ЭПИЧЕСКИЙ СТРЫВОК

1.
Дым, корюса, вокруге забор—
Так обменно и знакомо.
Под вечер все спешат на двор
На заседание фабкома.

Другим собраниям не в пример:
Все налицо;
И в этих лицах
Одно,
И всяк на свой манер
Друг с другом хочет поделиться.

Товарищ Второв префабком
Фабричный, сей...
Шумит собрание,
Напрасно пробовать звонком
Говорунье переорганить.

Вопрос... Такой больной вопрос.
Важней судеб любого мира:
Рабочих с каждым днем приток—
Почти что каждый без квартиры.

Вопрос ребром.
В глазах азарты,
И всем растет словесной грудой:
— Пospирить пару бы казарм...
— Достать на стройку нужно суду...

— Так вот, достали только семь,
Пятнадцать нужно до-отказа,
Отказ крутом,
Вопросы все,
Итак, кто хочет,
Да, не сразу.

— Товарищ Федин, слово вам.
Старик речист—первый шефсар:
— Эх, ты, ладья воюет,
Простит—резон, да махать с весом.

— Вот, в Моссельпроме ананас,
На выстак...
Глотят—что надо,
Товар азартный,
А на нас
И вовсе не глядеть бы рады.

— По существу!
— Сам существу,
Хоть третий год в парнейших ищется,
И толос вычлны мой листовой,
— Вот спорщик, ровно двинный Троцкий!

Больной вопрос...
И спрят все,
Любой с любым хонят подрасти.
Но факт упрямый: только семь,
А нужно все-таки пятнадцати.

2.
Тому, кто думать не привык,
Так трудно выдумать решение,
Ах, сколько есть путей кривых!
И каждый в темь, как-будто лучик.
И думал Второв и искал...
Ходил и морщил лоб упрямой...
Казалось, вот она, блажка,
Близка спасительная думка.

И снова нет,
И вновь помик...
Вдрузе мысль,
И снова беспокоит:
— В стове прочтенных мною книг
Найти бы что-нибудь такое...

Нашел!
Бывает в казино,
Вымарывают люди много,
Семь бесполозны все равно.
Но можно-ль семь на это трюван?
Своя забота двора,
Но аса прорыши?
Так что же?

Конеч, Висок. К вису «Нееане»,
И только лишней день не прожит.

Пятнадцать нужно,
Все равно!
И ровный ишкерман почерк.
Живы на кон!
И рывился в ночь
Рискнуть в иере денегой рабочей.

3.
За ишакем шпор бунует иштори,
Шавает шорохи и страсти,
В глазах безумы и востора
Любую мысль упрямю застят.

Ирать и вымерать,
Ирать!
Все думы слалены азартном,
Сказав зубы поминает «мать».
— Идем!
— Ва-банк!
И бита карта.

Еще!
Ирать!
Но куст карман,
Спел у сломы—как-будто кончал.
А мысли реуна задарма
Как стая безудержных зончих.

Часы!
На фронте получил,
Ковда горел дружим азартном.
Их золотистые лучи
Пробавт ишецдару
И за карты.

— Ва-банк!
— Ва-банк!
— Кончаю я.
Уже пятнадцать есть в кармане.
Напрасно золотистый лод
Опять к столу упрямо маниш.

4.
— Товарищ Второв, как достал?
— Попрвертили?
— Семь да восемь.
— Теперь за дело и баста.
— Своей коняски зря не бросим.

За стройкой дело не отнимт;
Геролик стройки зря не разом.
Дома-то строятся свои,
Глотят любой хозяйским глазом.
И слезу и вождо прдел.
— Небось довелен, старый лямий?
И Федин хитро в боробе
Своео клятвенно четвет.

Дом вырос,
Каждый будто пьм,
Цветет,
Не испривили махоложных,
И вся рабочая семья
В нем расслаится дозволю.

5.
Повло до вычетов,
Фабком
Семь покрывает.
— Где же восемь?
— Спассим,
— Кто-то буряком
По ветру восемь тысяч бросил.

Так да не так,
Но иде изгян,
Гуляет много развооров,
Своим фабкомским дурьям
Сказал о правде как-то Второв.

За равнором равнором:
— Да, постукивает парне сколько,
— Слушай и стал бы парень вор.
— Простим, ведь нам пошло на пользу.

Как будто уговор молчать,
Не поминя дел умерших,
Нет, на язык не став лжачья,
И равнором не удержжеть.

Один уворому про секрет,
Одни акала, другие с бранью...
— Товарищ Второв, Вам пакет,
Здесь расплассьясь,
До свиданья.

«Партийный вымерил закар
Необходимо...
Было-ль это?
Явиться в دستя в МКК
С партийлетом».

К Р А С Н Ы Е Г А Л С Т У К И

СТАТЬЯ В. ЗОРИНА.

П И О Н Е Р Ы И Ф А Б Р И К А

„В СЕ НАШИ звенья поставлены на общественную работу — пишут пионеры одного из отрядов: „одно наше звено „Красный Текстильщик“ изучает свое производство и вместе с этим ведет работу в красном уголке на фабрике. Ребята выпускают ежедневно газету „Роста“ с важнейшими известиями, помогают рабочему клубу в технической работе в уголке, в обеденный перерыв иногда устраивают живую газету. Другое звено поставлено на работу в нашем доме-коммуны. Ребята два раза в неделю собирают всех неорганизованных ребят, играют с ними, проводят беседы, поют песни.

Недавно наши ребята наладили паяльную мастерскую и стали починять посуду всем хозяйкам в доме-коммуны.

Третье звено „Серп и Молот“ работает вот уже 2 недели в библиотеке-читальне нашего рабочего клуба. Ребята распределили между собой дежурства, помогают библиотекарю в подборке книг, в пропаганде книг, в записи их, делают рекомендательные списки, диаграммы и вообще помогают библиотеке.

Наша работа еще только налаживается, но уже дает свои результаты. На фабрике довольны нашей работой*.

Так работают сейчас вокруг фабрики хорошие городские отряды.

П И О Н Е Р Ы В С Е М Ь Е

П И О Н Е Р Ы В С Е М Ь Е часто терпят всякие гонения, но мало-по-малу, исподволь своей незаметной работой „ведут медленный подпол под самую консервативную твердую всех гнусностей старого режима!“.

Так, например, один пионер вынужден был залезть под кровать, чтобы избежать окропления „святой водой“ под Пасху.

Несмотря ни на какие угрозы родителей, он не вылез до тех пор, пока пол не ушел из квартиры. Однако во многих семьях уже в квартире пионера зномят проблемы нового революционного духа. Так рядом или вместо Николая Угюлика в углу устроен пионерский уголок с революционными лозунгами, портретом Ильича, пионерскими законами и обычаями.

Слошь и рядом увидишь пионера, который учит грамоте свою неграмотную мать, играет с младшими ребятами, втягивает родных в рабочий клуб, на лекцию, вечер, на демонстрацию.

П И О Н Е Р Ы И Ш К О Л А

В Ш К О Л Е пионеры организуют свои объединения — форпосты, которые и направляют всю работу пионеров и всех ребят.

Форпост стремится наладить самоуправление в школе, организовать различ-

ные производственные и общественные кружки, втягивает школьников во всю работу пионеров, поднимает учебу пионеров и всех детей.

Форпост стремится, чтобы школа не замыкалась в свои четыре стены, чтобы она „за то время, пока люди в ней учатся, делала бы из них участников борьбы за освобождение от эксплуататоров“, как учил т. Ленин.

В том же направлении работают пионеры и в детдомах, организуя там отряды.

П И О Н Е Р Ы И У Л И Ц А

Н Е О С Т А В Л Я Ю Т без своего внимания пионеры и детей на улице, и здесь они организуют этих безнадзорных и беспризорных ребят, втягивают их на детские пионерские площадки, работают с ними во дворах, втягивают путем „индивидуальной обработки“ в пионерорганизацию.

Так же стараются пионеры работать в различных детских организациях (юные натуралисты, детсельхозкружки, друзья МОПР, ОДВФ и т. д.), стараются направить активность детей в единое коммунистическое русло.

О В О Ж А Т Ы Х

В С Е Й Р А Б О Т Е в отряде заправляет вожатый. От того, какого парня или девушку выделит яйчка на работу в отряде, будет зависеть и то, как этот отряд будет работать. Между тем, с этим делом не все благополучно: 3.000 отрядов по СССР из 26.000 не имеют совсем постоянных вожатых, 53% всех работающих вожатых не проходили никаких курсов, совсем не подготовлены к работе. А дедовщина растет, каждый день в организацию юных пионеров прибывает 3—4.000 новых ребят, которых надо организовать, привести к Комсомолу, воспитать ленинцами.

Вот почему сейчас Комсомол основное внимание уделяет подготовке новых работников, помощи старым. Вот почему вся рабочая молодежь должна подойти ближе к своим младшим братьям в красных галстуках, помочь им встать на ноги, поставить их в ряды борцов за коммунизм, к чему они сами так страстно стремятся.

П И О Н Е Р Ы П Р Е Ж Д Е И Т Е П Е Л ь

В О Т Ц И Ф Р Ы, показывающие, как росла наша организация юных пионеров за 3 года своего существования.

Январь 1923 г. 10.000
Январь 1924 г. 161.000
Январь 1925 г. 1.100.000

Сейчас мы не имеем ни одной губернии в СССР, где бы не было ребят в красных галстуках, где бы не раздавалась дробь пионерских барабанов, не звенела бы бодрая пионерская песня. Даже на далекой Камчатке за несколько сотен верст от железной дороги мы имеем отряды юных пионеров, которые работают, готовят смену Комсомолу. Однако, все еще мы имеем в городе на каждые 100 детей только 15 пионеров, а в деревне только 2 пионеров.

П И О Н Е Р В О Т Р Я Д Е

О Р Г А Н И З А Ц И Я юных пионеров для детей это то же, что Комсомол для молодежи.

Это не учреждение, как школа, летают для детей, это боевая политическая организация самих детей под руководством комсомола и партии.

Вот почему отряды юных пионеров организуются по фабрикам и заводам — в городе, по избач-читальням при ячейках Комсомола в деревне, т.-е., там, где бьет ключом политическая жизнь, где ребята могут приложить свои детские силы в великой строительной работе трудящихся.

Отсюда вытекает вся сущность работы юных пионеров.

Эта работа ведется на 2 больших области: внутреннюю работу в клубе пионеров и внешнюю работу вокруг своего предприятия, в семье, на улице и в школе.

В содержание занятий в клубе входят: беседы, игры, песни, трудовая работа (в мастерских), устройство различных уголков, физкультура, творчество ребят (инсценировки, частушки и т. д.), стенгазета, журналы, радио-любительство и т. п.

Все это служит объединению ребят, привлекает их к коллективной жизни и работе, подготавливает их для общественной практической работы.

*) Из речи Н. Бузарина на XIII съезде РКП(б).

В ГОСТЯХ У ПЛЕННИКОВ КОНТР-РЕВОЛЮЦИИ

Письмо из Германии А. Х-на

МАШИНА остановилась у предместья небольшого, провинциального городка, типично прусского. Горячка предвыборной рейхспрезидентской кампании (мы приехали в то время) давала себя чувствовать и здесь. На улицах всюду плакаты и портреты Эрреса, кандидата монархистов. С балконов свешиваются черно-бело-красные флаги. Местечко Гольнов — гнездо реакционеров, здесь имеют свою организационную базу фашистские вооруженные банды — «Шталгегель».

Высоко над городом, на горе, возвышается крепость. В ней заключены наши товарищи. Их — 192. Огромное большинство осуждено за участие в Гамбургском восстании 1923 г. Кроме них здесь сидят «политзаключенный» — знаменитый майор Бухрукер, организатор фашистского путча в Кюстрине.

Прибравшись по опушке леса, приближаемся к крепости. Густая широкая аллея ведет к тюремным воротам. Выслеживаем на разведку «своего парня» — известия заключенных о нашем прибытии, а сами заходим ожидать в ближайшую пивную.

Через полчаса возвращается наш разведчик с несколькими товарищами. Это — члены правления коммуны заключенных. Устанавливаемся о месте и времени собрания. Созвать заключенных сравнительно нетрудно. Упорной, тяжелой борьбой с администрацией нашим товарищам удалось добиться очень редкой в наше время победы — ежедневного отпуска в город на 5 часов. Администрация обустроила эту льготу круговой порукой. Если кто либо убежит, остальные теряют завоеванное право.

Под страхом наказания запрещено вмешиваться во внутреннюю жизнь города и ходить по городу группами.

Нужно добавить, что поводом к борьбе за 5 часовое послужило предоставление этой свободы майору Бухрукеру. Однако по всем данным, вскоре это право будет отнято у заключенных, как это имело уже место в Фольстбютеле у Гамбурга...

Товарищ К., редактор одной из провинциальных газет, осужденный за помещение «бунтовщичкой» статьи, делает нам краткий доклад, в качестве председателя правления.

На правлении лежит административно-хозяйственная и культурная работа среди заключенных. В 1-ой части обязанности несложные: распределение средств и пакетов, получаемых от МОПР^а. Помощь, оказываемая МОПР^{ом}, относительно существенна: одежда, табак и 5 марок ежемесячно. Деньги идут, главным образом, на покупку жиров, ибо сама тюремная пища является из рук

Внутренний двор крепости Гольнов.

вои плохой. Утром черная бурда, называемая кофе и 200 гр. сухого хлеба, днем желтая бурда, называемая супом, и немного картошки, на ужин та же бурда. Отношения с администрацией сравнительно благополучные. Директор крепости, бывший фельдфебель вильгельмовских времен, несмотря на свой монархизм, держится пока корректно; низший персонал следует примеру своего начальника. Надоедает лишь поп, назойливо предлагающий свои «услуги».

Несколько хуже обстоит с удовлетворением культурных нужд. Большинство заключенных — мужественные борцы, готовые в любую минуту снова драться на баррикадах — в теоретическом отношении представляют из себя еще совершенно сырой материал, и марксистской закалки еще не имеют. Тюремная обстановка действует удручающе на моральное состояние, часто способствует возникновению мелких личных драм. Тем более необходимо заполнить время учебой. В начале в этом отношении было

введена история. Образованы курсы по изучению стенографии. Работой охвачено 30% заключенных. Основная беда в хеватке литературы. Имеющаяся при крепости библиотека полна клерикальной чепухи. — Хорошо было бы получить сочинения Ленина и «Историю материализма» Бухарина, — мечтательно заканчивает свой доклад тов. К.

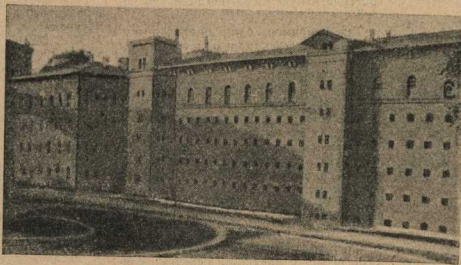
Мы принимаем ряд практических предложений и направляемся на собрание. Подхода к Гроневейзе, встречаем время от времени по одному заключенному. Это посты, следящие, чтобы шпик не пробрался к нам. С трудом пробравшись

сквозь густые кустарники, входим в глубь леса. Солнышко игриво шалит своими лучами и словно зовет куваться по нагретой пахучей земле. Настроение несколько приподнятое. Собрание ведь нелегально и притом с участием русского большевика. Если власти узнают, заключенные могут многим поплакаться и лишиться имеющихся льгот. Следует ли ими рисковать? Но все равно, уже поздно перерешать. На небольшой лужайке в немой глуши большая группа 70—80 чел. Одеты в домашнее платье: пиджаки, пальто, шляпы, кепки. Весенний воздух опьяняет: одни играют в чехарду, другие борются, катаются по земле. При нашем приближении все умолкает. Тов. К. предлагает стать лицом к солнцу и спеть. Тихо, вполне ясно, поют звуки демократической республики своей революционной гимн. Знакомые, родные звуки! Смело, товарищи, в ногу! Здесь, на чужой стороне. Кочичли. Председатель полупешотом объявляет, что сейчас будет

говорить русский товарищ, приехавший «оттуда». Десятки глаз устремляются на меня. Передаю привет от МОПР^а, описываю, как живут «там», как русские рабочие призывают не терять бодрости и надежды.

Десятками вопросов засыпают меня. Получаются ли их письма в Россию? Как теснее связаться с шефами, можно ли писать в «ПРАВДУ» о своей тюремной жизни и, конечно, еще и еще раз благодарность, привет русским пролетариям. В оживленной беседе, разлегшись на лужке, мы не замечаем, как стрелка приблизилась к 6. Пора.

В 7 часов за-ключенные должны быть «дома». Обратно под тюремные своды и железные ставни. Тепло прощаемся. До свидания. По одоховке выходим из леса. Еще раз крепкое пожатие рук. Наши спутники поворачивают налево, где извивается дорога в крепость. Идолго еще прощально летят кверху кепки и фуражки, пока последний из заключенных не скрывается за тюремной оградой.

Тюрьма в Галле.

совсем худо. Отсутствовали и преподаватели, и учебники. Теперь дело подвигается к лучшему. Создана культкомиссия. Получена кой-какая марксистская литература. К работе привлечены теоретически-сильные товарищи. Выработано ежедневное расписание занятий. Ведутся групповые занятия по историческому материалу, история рабочего движения в Германии изучается общая и естест-

ЧИТАТЕЛИ „СМЕНЫ“ О ЖЕНСТВЕННОСТИ

ОТКЛИКИ НА СТАТЬЮ В „СМЕНЕ“ № 9—10.

ПО ПОВОДУ статьи и фельетона о женственности, помещенных в № 9/10 „Смены“, наши читатели откликнулись живо, одним из них было как девушка, так и парня, по большому счету сузило вопрос, сдается его, главным образом, к одежде. Кроме того, многие высказали односторонность, говоря исключительно о девушке, в то время как статья говорит о представлениях о женственности, имеющихся в данной среде, в той или иной мере.

Тов. Выхрицкий в своем письме в редакцию пишет: „О, вот, у которой каждый день драма перед зеркалом происходит, у которой позорительно красивые губы, в объятии юбка и т. д., говорить не приходится“. На вопрос комсомольца — „женственности“, та как девка ему не нужно“. Вполне здоровое обращение к такому типу женщины имеет в своем основе несомненно классовый момент.

Еще раз ставит вопрос Т. М. Стайер (Черемухинское камышово-голубое колхоз). „Достаточно было поместить фотографии. Как это у нас ребята высказались за ту, под которой написано, что для того, чтобы женщина была женщиной, вовсе не нужно ни особой мягкости, ни бесхарактерности и т. п.“

Вопрос — „женственности“ не исчерпывается мнением читателей, но из таких отдельных взглядов отдельных ребят.

Тот принцип, который лежал в основе женской одежды прежде, принцип привлечения мужского внимания путем разукрашивания, путем подчеркивания половых признаков, продолжает играть еще значительную роль и в нашей комсомольской рабочей среде. Но он уже исчезает, и несомненно то, что подвигает женщину до уровня мужчины исчезнет совершенно.

Реакция на буржуазную женственность у многих комсомолов, выражающаяся в „лапосной женственности“, порождает ребятами дружно.

Вот, что пишет тов. Путьин с Харьковской ткацкой фабрики: „Сколько я встречал таких девушек, которые, вчера вступая в комсомол, сегодня уже постигли косы. И потому, что самое главное у нас в ходу, так это кожаная туфурка. Из последних шик будет выделиться, голодать, из кожи вылетит, а востане приобидеть, но все на из виду, и все это самая „кожанка“. И все это потому, что вот эти самая „кожанка“, по мнению многих чудак, является будто бы „партерной модой, или, как существует выражение, „одевуся по комиссарке“. Эта комиссарская одежда не очень-то дешево стоит, но все на из виду, и все это потому, что вот эти самая „кожанка“, по мнению многих чудак, является будто бы „партерной модой, или, как существует выражение, „одевуся по комиссарке“. Эта комиссарская одежда не очень-то дешево стоит, но все на из виду, и все это потому, что вот эти самая „кожанка“, по мнению многих чудак, является будто бы „партерной модой, или, как существует выражение, „одевуся по комиссарке“. Эта комиссарская одежда не очень-то дешево стоит, но все на из виду, и все это потому, что вот эти самая „кожанка“, по мнению многих чудак, является будто бы „партерной модой, или, как существует выражение, „одевуся по комиссарке“.

„Доказав перехватыванием мужской одежды равенство женщины с мужчиной невообразимо, а такая привычка, как курить, отпадет скоро и у мужчин. Девушка, как всякий человек, должна стремиться воспитывать из себя еще лучшего человека, но раз ты по природному названию девушка, то и остаешься девушкой“. Последнее замечание может быть несколько грубовато, но автор хотел, видимо, только подчеркнуть то правильное положение, что физиологически и инстинктивно особая одежда женщины, выходящая за пределы нормы ее природы, как пола, физически противопоставленного мужчине, изменены быть не могут и не должны. Тов. Евгения Еврян также приводит практические примеры против „кожанки-одежды“. Она говорит: „комсомолка в кожаной туфурке, в кепке на затылке, с пилорской в зубах, с басом, про который даже в песне поется: „голоса ужасные, это комсомолка по улице лугу“, врет себе в рабочей одежде“. Она говорит: „комсомолка в кожаной туфурке, в кепке на затылке, с пилорской в зубах, с басом, про который даже в песне поется: „голоса ужасные, это комсомолка по улице лугу“, врет себе в рабочей одежде“. Она говорит: „комсомолка в кожаной туфурке, в кепке на затылке, с пилорской в зубах, с басом, про который даже в песне поется: „голоса ужасные, это комсомолка по улице лугу“, врет себе в рабочей одежде“.

Тов. Астафьев с Тамбовского порохового завода обращается к тов. кепку, девушкам, подражающие во внешности, делая порет гулпистку и гаитамью. Мой совет — в женском одеянии работать по-мужскому, нежелая ридиться женщиной и не оправдывая собою мужчину на деле“.

Это заявление говорит о правльном подходе к делу, как к товарищу по работе, от которого требуется, помимо прочего, и мягкость и металлельность, а мужские черты — твердость, энергичность и т. д. Да, это те черты, которые присущи новой женщине, и в большей мере присущи уже комсомолке.

Вопрос о том, что такая новая девушка с сильным характером, с развитым мозгом, может и должна интересоваться парня не только как товарища по работе, но и как женщину, очень важно „трех из Галича“, трех наших корреспондентов из Галича, Костромской губ.

Они спрашивают: „неужели комсомолка призывает парня только изурядовать, платать и чистым платком? И если комсомолка оденется „по комсомольски“, но будет уделить этому одеянию 50% своего времени, то она будет глупа как любая „барышня“, и, по-нашему, это не комсомолка“.

В этих нескольких строках ярко выражен протест против буржуазного взгляда на женственность. „Трое из Галича“ затрагивают в своей корреспонденции также вопрос о том, насколько у самих парней имеются еще старые понятия; так, например, исходя из специфических женских черт, в их организации на пионер-работу выделяют только девушек, ребята считают эту работу неважной по сравнению с другими“, это, мол, „бабское дело“.

Это уже действительно достояние протеста. Это перенесение старых представлений о будто бы особой женской мягкости и чуткости в нашу действительность — никак нельзя одобрить.

На защиту мужской одежды, правда, с некоторыми оговорками встал тов. Кирико. Тов. задает вполне резонный вопрос: „ношение кожаной куртки, сапог и т. д. разве всегда сопровождается грубостью, нечестностью?“.

Тов. Кузьмина в своей статье достаточно показала, насколько неслено представление о женственности, как об особой чистоте, не такой, как у мужчины, а еще большей. Это очевидно, спорить об этом не приходится. Но тов. Кирико дальше выражает приношение:

„Куртку, кепи и т. д. носили в голодные, критические для революции годы и теперь носят женщины и девушки, отдавшиеся работе и учебе. Так что орлод опротивил“.

Товарищ Кузьмин пишет, что „Бабель был прав, утверждая, что современная женская одежда не отвечает действительно здоровой целесообразности“. Кузьмин, отвергая ношение целлюлозной „одежды“, — не указывает, как устранить неужобость женской одежды“.

Как вызов против буржуазной женственности ношение мужской одежды вполне естественно в нашей среде. Это уже говорилось, но о практической и проч. можно спорить. Можно привести много доводов и за и против, но вряд ли критический будет отрицать, что без особого применения к мужской одежде можно одеться женщине и сейчас просто и удобно.

Между тем, чтобы в статье тов. Кузьмина отгульное осуждение всех женщин, так или иначе осуждающих женскую одежду, некоторые из наших корреспондентов начинают защищать и брюки, и сапоги, и кожаную куртку.

Тов. А. Матулайтис (1-ая Госбаррика электротехнического цеха).

У товарищей, считающих, что девушка не должна одевать ничего того, что сейчас считается мужской одеждой, через заднюю дверь влезает буржуазное понятие о женственности.

Сапоги, куртка и брюки в давние времена ব্যবতব্যивались, как мужская одежда, необходимая своим удобством в работе, и неуважающая женщины, сидящая с лямками и с горшками, и если сейчас работница одевается удобнее, то не нужно перебивать пальки“.

Уже же тов. Кузьмина высказывает и тов. С. Яковлева (1-й Киевский Госжелезнодорожный).

Она пишет, что „стремление сравниться во всем с мужчинами, вполне естественное на первых порах революции, было первым толчком к швейным, сапогам, курткам. Затем идет путь тяжелого экономическое обоснования, когда всякая работница меньше всего могла думать о своих костюмах, и каждый носил то, что удавалось достать“.

Однако, и сейчас простые практические соображения заставляют носить часто сапоги и т. д. Не подает же наша девушка в деревню в носочках“.

Т. Соловьева (Лихославский поселок) повторяет последний довод:

„Возмите жироагрегатора, который ходит по всей волости за 12—15 лет. Что же ей в туфлях на выделанной коже ходить в марту с узким подолом ходит?“.

„Подписчик из Доббаска“, повторяя те же мысли, добавляет: „опасения, что женщины отойдут от себя мужичьи эти „мужественности“, неосновательны“.

Анатолий Белзев (Новохолевский) заявляет что он против всякой внешней женственности и приводит поочередно доводы против юбки, блузы, платка и т. д.

Тов. Астафьев (Бронепоезд № 2), присоединяясь к защитникам „мужественности“ в одежде требует, однако, чтобы в одежде женщины была мягкая, отычывочная и т. д.

Все т. т., вполне правильно требуя оценки того или иного вида одежды с точки зрения их целесообразности, совершенно напрасно, однако, защищают „мужской“ тип одежды. Если вредна и неуважна узкая юбка, длинные каблуки, то еще вреднее могут быть брюки. Удобны ли они в период менструации, беременности и т. п. Удобны ли они тогда, когда на смену выступают особые физиологические свойства женщины, которые никто не отрицает“.

Поэтому право принимать оглуяло по свою защиту брюки, сапоги и пр. Нужно лишь различать, когда они являются результатом необходимости, и когда их порождает своеобразный фюр, стремление быть „мужчиней“.

С тем, что в одежде и прочем у нас очень много нецелесообразности — можно лишь согласиться. Но это в равной мере может быть отнесено и к мужской одежде, которую нужно также изменить в лучшую сторону.

Повода нет, мы должны установить, что за исключением тов. Астафьева, продолжающего требовать от женщины особой мягкости и т. д., все сошлись на том, что никакой особой „женственности“ быть не должно.

Разного ласия, которые вывалились по поводу одежды, стрижи волос (многие защищают ее) и т. д., второстепенны. Они разрешатся в свое время решительно словом науки о гигиене.

В заключение хочется обмен мнений по этому вопросу закончить.

В обобщенный перерыв читает „Смену“.

Тов. Кирико считает, что изменение одежды в сторону ее большей целесообразности нужно вообще и особое значение имеет для женщины. Это изменение одежды может сыграть большую роль в деле изживания двух одноклассных негодных крайностей: буржуазной „женственности“ и лавской „мужественности“.

ПИОНЕРЫ В ЛАГЕРЯХ

Очерк В. Зина, рисунки Ф. Зубкова

Типы пионерок.

ОЗДОРОВЛЕНИЕ, ГОВОРЮ я, главная ваша задача. От имени партийной ячейки и заводского комитета призываю вас, пионеры, к дружной жизни и желаю вам всяких успехов в вашей работе в деревне среди крестьянских детей. Надеюсь, что вы выполните все наши требования и оправдаете все наши надежды. Будьте готовы! Грянувший Интернационал и аплодисменты собравшихся провозгласят пионеров рабочих и работниц заглушили не только последние слова секретаря партийной ячейки, но и следовавший за этим громкий, дружный ответ звонких пионерских голосов: «Всегда готовы!».

Некоторые матери даже прослезались: — Уж и как-то их провожают. Не запомню я таких делов при царском режиме. Чай и барских-то детей так не отправляли. Хороший человек наш Кузьма Петрович, правильный партийный. Заботливый.

— Разойдитесь, товарищи, дайте пионерам пройти! — бегал Пашка — секретарь комсомольской ячейки.

— Ать, два, левой, левой, левой...

— Раздался вдруг звонкий голос раскрасневшейся вожатой и стройная колонна пионеров и октябрят двинулась на лагеря.

Через полчаса два вагона дачного поезда были битком набиты, как в живом муравейнике, шумной ватагой ребят, а весь перрон был усеян суеязящими родными, провожающими своих ребят в лагерь.

Музыка играла то вальс, то марш и от оглушительных звуков ее в стеклянной коробке вокзала терялась мысль, обрывались слова.

— Граждане, отойдите от вагонов! — раздался зычный голос кондуктора, и через 2—3 секунды поезд медленно и плавно двинулся, цветы красными и бе-

лыми платками, посылающими из окон прощальный привет.

— Уехали... — тяжело вздохнула старая Никитишна, и вытирая подолом выступившие на глаза слезы, медленно двинулась домой в Хомковку.

ВАСЬКА... дай, дай... что тебе жалко... у... у... жадный. Ну хорошо, будешь помнить.

— А ты слышал, кажется постановление совета, чего ж лезешь. Увидят, тогда что будет? И у меня отберут и тебе влетит... — Вася... я тихонько... никто не увидит... дай, хоть кусочек... ну дай...

— Ну, на... да скорей ешь... Чтб никто не увидел. А то знаешь: и мамку на смех подымут, зачем, скажут, тайком давала... Так рассуждали пионеры, сидя под густым мустом и улизывая вкусные пирожки и шоколадки, привезенные из дому заботливой мамкой и не сданные в «общий котел» хозяйки, несмотря на категорическое постановление совета лагеря, подтвержденное перед выездом родительским собранием, обсуждавшим специально вопрос «О частной собственности на гостины».

Постановление в «духе коммунизма» было принято, легально привезенная часть гостей сдана была тут же хозяйки, а нелегальная была изята за кустами из далеких мешечков в кофтах и глубоких боковых карманов тужурок и роздана «милым деткам», которые хранили честно свой коммунизм до явного нарушения его принципов старшим поколением и до первой шоколадки во рту.

Однако, все хранилось в тайне.

О ней знали только густые куцы да высокие ели, явно насмеявшись своим веселым шестлетом над мудрыми и твердыми решениями высокого своим значением и силой лагерного Совета.

... Тра-та-та — протрубила рожок.

— Мишка, беги... стройся... я сейчас — забормотал Вася, дожая сладкие остатки и тщательно пытаясь замести следы преступления в виде крошек и раскroшившихся бумажек быстрыми движениями ноги по траве. Поняв, наконец, бесплодность всех этих попыток и положившись на добрую волю пионерского счастья, Вася бросился стремглав к мачте. Здесь уже собрался весь отряд вместе с сотней рабочих, приехавших из города, и несколькими десятками крестьян всех возрастов для торжественного открытия лагеря.

— Мы рассчитываем на вашу помощь в нашей темной деревне — сказал в своей приветственной речи предельсовета.

— Мы эту помощь дадим — отвстила бойко раскрасневшаяся Манька.

— Флаг поднять — и небольшой, но ярко красный флажок быстро поднялся на верхушку мачты и возвестил своим трепетом под урамами летнего ветра, что лагерь открыт и жлет маленьких и больших гостей со всех концов.

Пионеры следи «Молодую Гвардию» и вместе со своими гостями отправились на площадку, где показали результаты недельной лагерной работы в виде чашушек, физкультуры и песен на злобу дня.

МИНУЛ богатый бурными событиями день. Начался он нежданной и негаданной, по случаю праздника, утренней трудовой работой, свалившейся как с неба на беспечную пионерскую голову, а кончился чрезвычайною интересной и «захватывающей» дух беседой

В ЛАГЕРНОМ ПИОНЕРСКОМ «КЛУБЕ»: Деревенские ребята играют в шашки.

Ярко-красный флажок быстро поднялся на верхушку мачты.

Отправляются на спорт-площадку.

у костра вожакого Петьки. Беседа была со многими убийствами, победами и подвигами незаметных героев из недавнего и явно ошутимого прошлого и оставила глубокую борозду в голове каждого пионера и октябрянка.

Теперь же весь лагерь заснул мирным спокойным сном, изредка прерываемым криками протеста и революционного негодования, исходящими из запекшихся уст наиболее вечаательных натур.

На дворе заснувшего лагеря мерно шагают часове. Их 2.

Но у ярко горящего и приятно потрескивающего костра лежат какие-то „тела“.

Но это не убитые в результате убийственной беседы у костра.

Это дежурное звено. Их 8. Итого—10. Идет, очевидно, крайнее интересующий всех ребят разговор: никто не спит, блестящие глаза устремлены на вожакого звена.

Разговор идет... о привидениях. Все совершенно убеждены, что привидения существуют, что только не надо их бояться, ибо они сами очень пугливы.

Часове все реже и реже обходят лагерь, все ближе и ближе подходят к костру.

Вдруг, раздается треск, и в 5 шагах от костра стороной дороги пробегает кто-то в белом и сделал 6—7 шагов останавливается.

Все „часовые“ и „подчаски“ бледнеют и теряют естественные человеческие способности говорить, двигаться, что-либо делать.

Все становится более стенки и трусливее зайца.

Белое существо начинает двигаться по направлению к лагерю.

Не может быть никакого сомнения, что это привидение: и белое, и большое, и движется.

— Кто ил-д...е...т?—раздается дрожащий, совершенно не свойственный Ванюшке голос.

Никакого ответа. А белое движется прямо на часового.

Выходящая из-за туч луна бросает туманные блики на все окружающее.

Становится светлее. Яснее видны очертания белого чудовища.

— „Корова“—раздается облегченный крик...

Она самая. И белая, и большая, и движется.

Пионеры едва переводят дух. Светает.

ИТАК, МЫ сегодня идем на общественную работу. Наконец-то—вдохнул облегчено Васька, потягиваясь на далеко не белоснежной, „пуховой“, из соломы постели, заслышав утренний рожок.

Но не все ребята были рады.

— Что мы побирушки, что-ли, пойдем по деревне, набиваться будем торжественно провозгласил Мишка,— тот самый, что уплетал „незаконные гостинцы“.

— Нюрка, слышишь, нашему звену сегодня в деревню идти, на огороде работать. Ишь, чего выдумали. И всегда это Марушка придумает. Не пойду я, вот и все. Что мне сделать?—раздавалось из комнатки девочек.

— Ребята, девочки, вставайте, давно гудок был, не забудьте, что сегодня идем в деревню. Опаздывать нельзя. Скорее, — „скороговоркой проговорил Андрюша—председатель лагерного совета „из активных“.

Ребята медленно поднялись, медленно поплелись умываться и к часам 9-ти предстали перед кружками чая, правильно расставленными на круглом столе.

Мальский Федя особенно старался. Он сел уже 2 порции, однако требовал добавки.

— Да ты смотри, не лопни, шутили ребята.

— Мне... мамка велела, чтоб... я... поплавился—с трудом выговорил Федя поперхнувшись огромным куском хлеба с маслом.

После чаю, получив точное задание, каждое звено направилось в деревню.

Два звена попали на работу по полке огорода, а два звена должны были сделать торговую палатку для кооператива, в связи с предстоящей ярмаркой ко дню кооперации, и повести переговоры о покупке моста через речку, которую можно легко перейти в брод, не замочив даже обыкновенных брюк.

К полудню 20 уставших, но довольных ребят вернулись с полки, а еще через 2 часа вернулись и два „кооперативных“ звена с известием о том, что палатка закончена и кооператив очень доволен.

Целую неделю шла подготовка ко дню кооперации.

Готовились частушки о местном кооперативе и его заведующем Иване Ивановиче, готовились инсценировка на тему о деревне и городе, производились украшения кооператива, сельсовета и проч.

Наконец, долгожданный день пришел и принес полное удовлетворение отряду.

„Его“ палатка была открыта, его выступления на ярмарке имели определенный успех, особенно частушки об Иване Ивановиче, его трудовая работа на огородах и полях закрепила влияние во взрослой среде.

Пионеры праздновали свою первую общественную победу: их отряд сламали почетным членом кооператива и вручили членскую книжку.

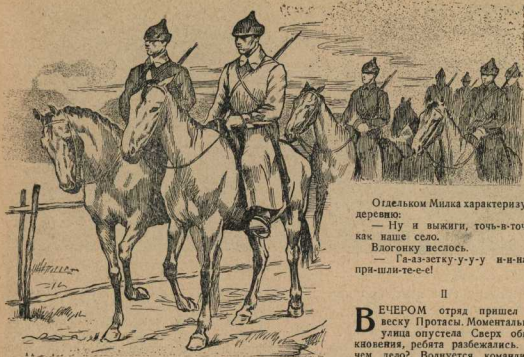
Торжественно, с чувством собственного достоинства уходили стройные колонны пионеров с ярмарки, имея дело го на себе сочувственные взоры крестьян.

УЖЕ темнело...

Вместо давно ушедшей барабанной дробы и звонкой песни слышался какой-то непонятный шум, сливающийся с какими-то отрывистыми звуками детских, неокрепших и неуверенных голосов...

...8 крестьянских ребят от 5 до 9 лет твердо шагали гуськом по пыльной дороге, звеня, барабана в жестянки, выкрикивая отдельные фразы и слоги из зовущей к борьбе и победе песни, так недавно стройно зазвучавшей в широких полях.

Отдельком Милак характеризует деревню:

— Ну и выжили, хоть-в-точь, как наше село.

Влогоню несло.

— Га-а-зеску-у-у-у и-и-нам при-шан-те-е-е!

II

ВЕЧЕРОМ отряд пришел в леску Протасы. Моментально ушли опустева. Свехр обыскования, ребята разбежались. В чем дело? Волеуется командир: что мы, поляки, что ли, что они, как кроты, попрятались? Оказалось все в порядке.

— Дело такое.— Начал объяснять подошедший член сельсовета: деревня наша богом и чортом забыта, и потому мы белды, вот отсель и случалось, что гравжани от платежа страховки отказались. Да это ничего. Милом выкуст. Сейчас обчетом в шланку и готово.

Картина ясная,—отряд приняли за карательный.— Ах, штоб вам мурашей в порты,— чертыхался командир. Вот темь! вот темь. Настоящая летра уссузавали!

Ошибка скоро разчленилась. И стар, и маад выслали на уаину. Многие при-шан-те-е-е!

Наскоро развернули плаву. Пошло изъяснение.— Мы што, мы не прочь, ты только толком обскажи, куда дая, зачем дая и будет ли оборот грошам, а то дая, вынь да положи, а пришеу (полны) нет.

— Мы вот так залагаем,— повел речь седой старик.— Перю-наперво, положи за Красу армю примерно.

ПАМЯТНЫЕ ВСТРЕЧИ

А. КАРПОВ, иллюстрации А. ЛАПТЕВА.

Старик перебило несколько голосов враз.— Не примеривай, Кузьмин. На армю сколь хошь даями, потому што наша деревня, ты, вот, дальше затянуй, да лесников не забудь.

Пошло дальнешее заглавание: о налогах, о земле, о лесе, о воде и т. д. И во налоги, видать, волновали крестьян, а больше всего распада „сумнительность поборошков“. Прилет ендас с вечеру на леску, поспит под нос, прикажет караульному, ну, тащи ему грибов, а што куза, зачем,—толком не обяснит.

— Мы, то-есть, единым горбом... Разве не понимаем.

Дело удавалось. Собрание затянулось за полночь.— Поставили страховку внасть, и тут же струдили заветные рубан и поштыни в шланку.

— Да што мы, а поле обсежи, што ли, али дружок суую? Ты только толком обяски...— Борчали, расхлоса по домам.

III

НА УТРО опять в поход. Весело пофыркивают сытые кони. Повозочные мурлыкают—деревенские напевы. Отряд провирается лесной глушью, углубляясь все глубже и глубже в необятные дебри „уссузавали“ владения.

На пути река. На берегу у моста обоз. Крестьяне с кнутом под мышкой, повсвистывая, „для алекуть“, вост коней. Отряд спешился. Обступили. Шумают сбрую, пробуют колеса друкалом, тыкают кнутами в ситые бока коням, спрашивают:

— Неужто 300 верст промахали с кладью в пять деи?

— То-есть единым махом, и все ррррррр.— Удовлетворит любознество крестьян красноармией. Удовлетворены. Присели в кружок. Закрытии козьи ножки.

— И-нда. Скупо ронют мужики.—И кони сыты, и парни наши мордасты, и домытетливо притом, видать, что недаром наши грины наут. Братски распрошались. Заюкали подковники кони, затарактели повозки, „мордасты“ парни лихо залучили „Зюаю на погосте“.

Влогоню любовно несло.— Митряч, мотри, ведь, нази!

МАЛЕНЬКИЙ конный отряд комисса по Мозырским болотам, заглядывая в такне дебри, куда ворон костей не заносил.

Были места, где только и знала, что Лелина смеется господ и „приказал обьявить хрестьянам всамделишную волю“, и что „заметает царя, али там губервателя—Червяков * на Белоруссии правит“. И больше ни-ни. Гауши, дичь и топь.

Годами в слякные зимы, вросшие в болото весня (деревушки), были оторваны от прочего мира. Своей родной Красной армией не видели. Газет не читали. Терпелива для этих дыр—сиплетские неволяги. Даже за налогами, говорят, редко ездят. Олиныи словом, забытые уголки, нечеловачья пелена. Озно отраду серцую,—Ильича везло, „коша и патретько не выдвалиш“. Имя и дело его прожилось в непроходимые дебри, окрывая надеждой и верой в то, что „таперь полнеет хрестьянство буда“, „Беспременно, серешавши, сам хрестьянского горя восталь зисбува, бы и похопота за нас, только вот, лесников бы ашо сместила“.

Так рисовался мировой титан 68-летней бабе, в белорусской гауши.

На пути отряда маленькая, замыганная и черная от копоти веска. Усталые конники втянулись в околицу.

Отряд быстро развернул свое хозяйство. Ребром пошла заводная монета в уплату за сено, картошку, яйца, молоко. Растворили мешки с овсом.

По дороге побегало:

— Новыми полтинниками платят. Тащи, робя, что тебе, кто пороса.

— Все тихо и ласково. Дая брашки.

— Все едино, как дома.

Затырнкала гармоника, забила дробь шпора красного конника. Девкам и всей деревушке праздник.

Тень недоверия и опаски рассеялась, как дым.— Эи! Глянь-ко, рабята, вон она, как наша Красная армия, а я, слышь, с приходу, те-мощю жита закопал в огороде и зря. Таперь сам вижу.

В избал лихо тукуют конники, девки визжат, старики крутятся около коней и повозок. Зрелые пылаво выспрашивают:

— Как там на Бобруйшине? Будет ли война? О Москве ни гугу, мало знают место, где „сердешный“ хрестьянский учитель живет.

— Може сырку нашего хрестьянского отведаете, а? Да неужто вся тека наша Черноная армия-то у нас? Ну, таперь держи, пань! Это не то, что с мужничко заду порты драг.

Утром отряд выступила. Долго крестьяне стояли за околицей. Ребятя вприпрыжку скакали по бокам отряда, пресея горящая: „Ашо раз увиду“.

* Червяков—Пред ЦИК Белоруссии.

АЛЕКСАНДР ЖАРОВ

Г. ЛЕЛЕВИЧ, снимок Ф. ЗУБКОВА

А. ЖАРОВ.

ЕЩЕ В НАЧАЛЕ 1923 г. Г. Корень в заметке о творчестве Жарова назвал последнего «певцом комсомольской весны».

Действительно, эта характеристика, как нельзя более подходит к поэзии Жарова. Буйная радость молодости, юношеский задор,—таковы отличительные черты жаровского творчества. Жаров—действительно «солнцеглазый парень», преисполненный «огневым удушьем». И глубокой искренностью дышит его задорное обращение к звездам:

Полно, звезды, стыдливо скрываться,
Хорошится за облаком дымя!
Сколько лет вам? А мне—восмьдесят!
Хорошо погулять с молодыми!

Эта радость юности брызжит с каждой страницы книг Жарова. Он упивается жизнью, по его жилушкам переливается силушка:

«Радость, радость,
Цвети и зрели,
Буйствуй молодостью в молодости!
Хорошо, что вот эти дни
Друт на друга, как братья поожим».

Жаров—прежде всего лирик, т. е. он воплощает в своем творчестве не столько самые факты внешней жизни, сколько свои ощущения и настроения, поражаемые этими фактами. Но, в отличие от пролетарских поэтов времен гражданской войны, Жаров придает своей лирике не отвлеченно-восторженный характер, он создает не безжизненные оды, а дает отзвуки живых настроений рабочей молодежи сегодняшнего дня. Жизнерадостная лирика Жарова конкретна, реальна.

Рожденный пролетарской революцией, дышащий ее воздухом, глядящий ее глазами—Жаров даже природу описывает на советский, на коммунистический лад.

Поэт Василий Казин сказал в свое время новое слово в пролетарской поэзии, прибегая для передачи картин природы к образам и сравнениям, заимствованным из трудовых производственных процессов. Казин, как бы «орбочил» природу. Жаров сделал следующий шаг: он передает картины природы при помощи образов и сравнений, взятых из нашей партияной и советской обстановки.

Солнце кажется ему «делегатом небесной рати и от всенного Цека», председательствующим «на земле, и в облаках». Солнце и апрель приходят

у него освободить «Ручьево-реченский район». Ледоход кажется ему митингом, на котором «первый вопрос—о весне». В другом стихотворении он рисует солнце старым подпольником, который раньше томился «в глухом подполье, в ледяных подвалах зимы», а теперь «принимает парад» над первойской трибуной». Вечером солнце—Жарова—призжает «в запыхавшемся автомобиле» к закатам, с тем, чтобы ехать «за Юпитер, за Марс... на доклад». Молодой лес у него «развеивает солищесной листвою... комсомольский задор. Месяц заменяет фонарь у клуба. Рассвет он рисует «кумачным флагом». Вообще, значительную часть своих сравнений Жаров черпает из нашей революционной современности: «радость, как... у комсомольцев вечера», «так празднично, так радостно оно (солнце), как будто в день великий Первомай», «серошительное небо».

Сросшись с миром комсомола и рабочей молодежи, Жаров в то же время не порвал связи с родной вскормившей его деревней. Нередко встречаются у него типичные деревенские образы, особенно, когда он рисует деревню: «молоит сердце», «заблелая колокола».

В отношении образов особенно удачно известное стихотворение Жарова «16 октября». Здесь образы и сравнения не только ярки и живописны сами по себе, но все они взяты из того же самого флотского и морского мира, которому посвящено стихотворение.

Удалые, солнечные, весенние стихи Жарова не забываются, но бесспорно, что нельзя всю жизнь жить удальо, нельзя наполнять одним буйством молодости всю свою поэзию. Сам Жаров чувствовал это:

«Из весны—не соткать рубаху!
А из солнца—не сшить сапоги!»

И часто хочется обратиться к Жарову с его же словами: «С солнцем подождем...» Жаров охотно предпочел бы сложной революционной праздник простым будням строительства. Как и его герой «маленький Гришук», он «не знал, что такое полтинник, и не хотел бы знать». Характерны известные строки его «Песни о Черныше»:

«Я сейчас
О черныше спою
И опять
пойду комсомолить».

Ты, проводя до Большака,
Сказала:—До свиданья милый...
— Прощайте, роща и река,
И дом, окутанный рябиной.

— Ты не печалься, коли что!
Плечи, я вижу к тебе приеду.
А дождь целила скважу решето
И думал; нет назад мне следу.

Но вот я снова у тебя,
Вдыхаю воздух смолкой рощи,
Еще увеселит любя
Твой образ, трав задрожных проре.

Цветет рябина под окном,
На солнце голубя повеса,
И ветер северный жвустом
По росам цветистым курлаусит.

И на вопрос:—Скучала-ль, нет?
Ты говоришь:—Ничуть, мой милый,—
Рябиной вайдиной билет
В меня вдохнула весенней силой.

Теперь я верю—никогда,
Ничто нас в жизни не разлучит,
Рябиной бужуею любя
На солнце выплуснет из тучи.

И в осень снова на рабфак,
Собранный с радостною поуду,
В синь убевающий большак,
Тебя ведет за мной по следу.

Жаров прикасается к мучительным противоречиям современности, насущным, хотя и «серым», задачам нашего строительства, как бы в виде исключения, как бы в антракте между своим обычным занятием—наслаждением «комсомольской весной». Жаров сторонится жизненных противоречий.

Но и ему становится все яснее, что необходимо углублять и расширять свои темы. Он слышит, что голос его «немного погубел», что «даже радость выверена четко», и с изумлением спрашивает:

«Или это выпрямилась жизнь?
Или мы весною возмужал?»

Да, нельзя оставаться вечным подростком, а возмужав, нельзя не подойти к современности во всей ее сложности. Кое-где у Жарова уже намечается подход к противоречиям нашей эпохи. Он видит засасывающую опасность в связи с классом («Сны»). Он предостерегает уставших товарищей от самодубия («Надо, братья»). Наконец, в поэме «Азиаты» он пробует нарисовать основные противоречия нашей революции,—противоречия между огромными задачами коммунистического строительства и хозяйственной и культурной отсталостью страны.

Но вплотную к художественному показу этих противоречий, к будничному и пугняному, а не праздничному и внешнему отображению современности, Жаров еще не подошел. Не удалось ему также подойти к развернутому эпосу, т. е. к художественному показу не только настроений автора, но и событий внешнего мира с последовательно развивающимся действием. Поэмы «Комсомолец» и «Мастер Яков», это—лишь длинные лирические стихотворения. Только «Азиаты»—первый настоящий шаг к эпосу.

Нерывная связь с революцией и яркое оригинальное дарование Жарова внушают надежду, что он не застрянет на месте и разрешит стоящие перед ним новые творческие задачи.

В. ДОЛИН.

НОВЕЙШИЙ АНГЛИЙСКИЙ САМОЛЕТ. Его крылья свободно выдерживают наверху 65 чел.

УСПЕХИ СОВРЕМЕННОЙ АВИАЦИИ

Очерк Б. НАБАТОВА

РОЖДЕНИЕ САМОЛЕТА

17-го декабря 1903 г. американец Райт впервые поднялся на аппарате с механическим двигателем в 16 лошадиных сил, и в 59 секунд полета покрыл расстояние в 260 метров, при максимальной высоте полета в 2—3 метра.

Так родился самолет, прогресс на весь мир этими 59 секундами и 260 метрами пройденного расстояния.

Развитие самолета прошло вперед быстрым... авиационным темпом, и ныне эти первые райтовские достижения побиваются моделями, сработанными руками пионеров, а настоящий современный самолет ушел неизмеримо дальше и выше райтовского первого аэроплана.

И если мы посмотрим на перечень последних рекордов авиации, мы увидим картину изумительных достижений в области завоевания воздушной стихии.

СОВРЕМЕННЫЕ РЕКОРДЫ АВИАЦИИ

Высота полета—12.066 метров.

Продолжительность полета без спуска—37 часов.

Скорость полета—448 километров.

Дальность полета без спуска—5.300 километров.

Грузоподъемность—8.000 килограммов.

Наибольшая сила мотора—1.000 лошадиных сил.

Наряду с этими рекордами, авиация занесла в свою летопись и такие достижения, как перелет без спуска через Атлантический океан, как кругосветный перелет американских пилотов. Однако, нужно сразу оговориться, что служить показателем действительных практических достижений авиации эти рекорды не могут, так же как и не может рекорд скаковой лошади служить показателем скорости передвижения лошади вообще.

Это станет особо ясным, если мы скажем, что французский летчик Колизо,

установивший мировой рекорд высоты (12.066 метров), готовился к этому полету 2 года, летал на специально построенной и оборудованной для этого машины и после полета две недели отлеживался в результате нервного потрясения.

Рекорд на дальность полета, установленный американцами на 5.300 километров (пребывание в воздухе 37 час.), был достигнут так же лишь благодаря снабжению аэроплана горючим в воздухе.

КАКОВЫ ЖЕ ПРАКТИЧЕСКИЕ ДОСТИЖЕНИЯ АВИАЦИИ?

Эти практические достижения,—и они-то для нас особо важны и интерес-

ная машина—дает от 220 километров в час. То же и с грузоподъемностью. Современные бомбовозы (дневные) могут нести—100—500 килограмм бомб, а самые тяжелые бомбардировщики—от 500 до 2.000 килограмм (не считая горючего, вооружения и т. д.).

И если мы посмотрим на максимальную практическую высоту полета современных самолетов, мы увидим, такую картину: бомбовоз берет высоту 3.000 метров, а самый лучший истребитель—до 8.000 метров.

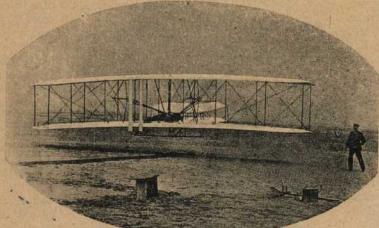
Как видим, везде цифры в полтора—два раза меньше рекордных. И эта разница становится еще больше, если сравнить рекорды с практическими достижениями пассажирских самолетов. Здесь скорость в 160—170 килом. в час считается уже хорошей (выше средней) скоростью, и летит самолет большей частью на высоте 600—1.000 метров, поднимая от 4-х до 10—18 (максимум) пассажиров.

Однако все эти приведенные нами практические цифры достижений могут „охладить“ только людей, голящихся исключительно за рекордами или же наслушавшихся и начитавшихся о еще больших „чудах“, нежели достигнутые рекорды. Тем более, что рекордные достижения авиации у нас часто принимаются за практические, каждодневные, а построенный итальянцами после войны самолет на 100 пассажиров и... сломавшийся при испытании, принимается за существующий на деле.

ОБЛАСТИ ПРИМЕНЕНИЯ АВИАЦИИ

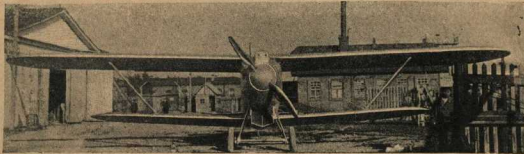
Авиация так быстро шагала и шагает вперед, раньше всего, потому, что она является мощным орудием войны, которое капиталисты с первого же дня существования самолета стали оттачивать и зострять.

Функции самолета на войне все усложняются, увеличиваются и расширяются. Если к началу мировой империалистической войны немногочисленные и слабые тогда самолеты были,

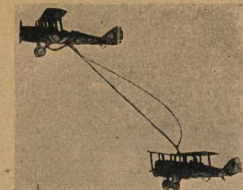
Первый полет в мире американца РАЙТ в 1903 г.

ны—значительно ниже рекордных, но и они будут неодинаковы для самолетов различного назначения и—раньше всего—для военных и гражданских.

Мощный самолет советской конструкции.

Посмотрим на цифры и мы увидим: Военный самолет—разведчик, находящийся в вооружении современных воздушных флотов государств, дает скорость от 170 до 220 килом. в час. Самолет-истребитель—самая легкая и бы-

Перекачка бензина на леу.

в лучшем случае, разведчиками и «связистами», то уже к концу войны авиация заняла «прочное место» в небе и стала одним из основных звеньев в системе вооруженных сил государств. За время войны Англия, Франция и Германия построили по полсотне тысяч самолетов каждая, и... нужда в самолетах все возрастала. Они гибли массами и строились еще большими массами.

После войны на авиацию было обращено еще большее внимание военных специалистов, а капиталистические правительства стали на авиацию ассигновывать все большие и большие средства.

Бстрекодные, поворотливые истребители, вооруженные пулеметами и специальными фотоаппаратами разведчики, легкие дневные бомбардировщики и тяжелые ночные бомбовозы, санитарные самолеты для обстрела земных целей, морские воздушные миноносцы и самолеты связи—все они вошли в жизнь, готовясь сеять смерть и разрушение, биться в воздухе и помогать бить на земле.

Теперь уже немислима большая война без бомбовозов, которые будут разрушать стратегические центры в тылу, без разведчиков, которые корректируют артиллерийскую стрельбу, без истребителей, которые охраняют своих «бомбовозов и сбивают чужих.

Военная авиация быстро шагает вперед, и в то же время совершенствуется ее мирный облик, ее первый резерв в случае войны—гражданская авиация.

Пассажирские воздушные линии изрезали европейский континент и остода протянули свои нити в Малую Азию, Африку и тянутся в Австралию. Укрепившись и развиваясь на почве пассажирского и почтового обслуживания,

авиация стала проникать в новые отрасли мировой работы, открывая подчас новые большие и единственные возможности.

Борьба с вредителями посредством распыления ядовитых порошков, помощь в землеустроительных работах, противопожарная охрана лесных массивов, содействие обнаружению рыбных косяков и скопления морского зверя, научные наблюдения и спорт—всюду проникает самолет, «шаг за шагом» проникая в новые для него области, неся на своих крыльях Амундсена к северному полюсу, переноса за 25 часов тов. Раковского из Москвы в Лондон.

ОБСЛУЖИВАНИЕ АВИАЦИИ

Самолет еще не совершенная машина, и авиация еще «тонкое» дело и дорого удовольствие. Самолету нужны опытный пилот, идеальный мотор, оборудованные

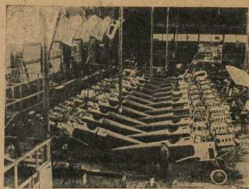

Красный воздушный флот. Эскадра им. тов. Ф. Дзержинского.

посадочные площадки, аэродромы, точные приборы и хорошая погода.

Но для того, чтобы иметь свою авиацию, мало иметь самолеты, надо иметь свою авиационную промышленность, надо самим строить и самолеты, и моторы и их оборудование. Наладить это производство очень трудно, но без него еще труднее. В особенности это важно для нашего Союза, который, в случае войны, не должен быть зависим от иностранной буржуазии. А авиация в первые же дни, недели и месяцы войны, пред'явит колоссальные требования, которые необходимо будет удовлетворить, дабы она могла выполнить колоссальные же задачи, которые на нее лягут.

В авиации, больше чем где-либо, нужно сочетание высоких качеств человека и техники. Суметь выпустить нужное количество хороших летчиков, самолетов и моторов, обеспечить правиль-

Авиационная фабрика.

ное обслуживание авиации—вот на что обращают главное внимание все капиталистические страны, вот какая задача стоит и перед нами.

КАК ОБСТОИТ ДЕЛО У НАС?

В авиации мы получили от царского строя меньше, чем в любой другой военной области, зато и успехи наши здесь за последнее время велики.

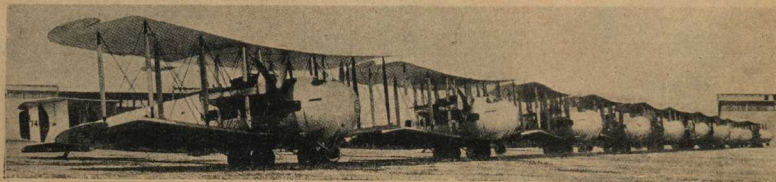
Мы имеем хороший летний состав и за последний год выпустили больше летчиков, чем за 1921—22—23 года.

Мы стали сами строить необходимые нам мощные моторы. Наша авиация занесла в свои послужные списки также достижения, как перелет через Каспий в Тегеран, перелет Гинду-Куш в Кабул и, наконец, такой блистательный перелет, воздушный рейс—Москва—Пекин.

В деле поднятия и совершенствования нашей авиации, большую роль сыграла и играет Общество Друзей Воздушного Флота, ныне Авиохим. Достаточно сказать, что на собранные Авиохимом средства за 2 года построено и передано Красному Воздушному Флоту 134 боевых самолета.

Усилиями Общества создаются на местах аэродромы и посадочные площадки, что значительно способствует развитию гражданской авиации. Мы имеем в СССР большие воздушные линии: Москва—Кенигсберг, Москва—Харьков—Ростов и Дону, три линии в Средней Азии и одну—в Закавказьи.

Советская авиация вышла на широкую дорогу совершенствования при поддержке миллионов масс трудящихся.

АВИАЦИЯ АНГЛИИ: военная воздушная эскадра, построенная заводами Виккерс Вильямса.

ВОЙНА ПОД ВОДОЙ

Счерк Г. М.

Подъем подводной лодки при помощи плавающего дока.

ПОДВОДНАЯ ЛОДКА, входящая ныне в состав каждого флота, появилась сравнительно недавно, каких-нибудь полвека назад.

Первой попыткой сконструировать подводную лодку можно, однако, признать только подводный ботики Дребека от 1802 года. В прошлом году американец Гардер соорудил по старинным чертежам этого «делушки» современного подводного флота и пробовал плавать в нем. В сущности это не лодка, а род мачехи под колаком; рукояткой приводилось в движение весло, которое пропеллерный прибор вперед с самой ничтожной скоростью. Воздух подается сверху на шара по трубке и запыса его так истончили, что через пару минут ловец принужден выныривать на поверхность.

Затем в течение 2½ столетий почти не пытались заносить морские глубины, и только во 2-й половине прошлого столетия талантливый фантазер-романист Жюль Верн, предугадавший и предсказавший в своем романе почти все достижения нашего века, описал в своем романе «8000 верст под водой» таинственный корабль, носивший на воде, как рыба в воде. Года через два после этого американец Голланд для черт первой подводной лодки, которую практичные «инки» использовали не для военных целей, а для разведки на дне моря в поисках за затонувшими сокровищами и назвали его «Аргонавт».

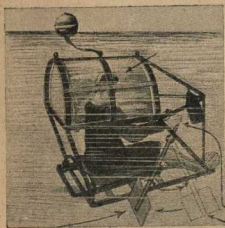
Затем появился во Франции «Губе» длиной в 8 метров при диаметре в 2 метра. Эквипаж состоял всего из 3-х человек.

Следующий тип «Зеек» имел уже 40 метров в длину и 3-в диаметре, скорость хода его была уже 12 километров в час.

А самый последний тип подводной лодки, спущенной в прошлом году в Америке, достигает уже колоссальных размеров—115 метров в длину при 9 метрах в диаметре и в водоизмещении в 2164 тонны. Скорость ее—21 узел в час на поверхности воды и 9 узлов—под водой.

Эта подводная лодка снабжена 4-мя моторами Дизеля, развивающими 6500 лошади и боевое снаряжение ее—6 торпедных стволов и 2 пулемета.

ОБЫЧНЫЙ ТИП подводной лодки—это уличный коридор внутри, где экипаж передвигается, точно рассиная свои движения, ибо места немного.

«Дюбрика» подводного флота, сооруженный в 1802 г. Дребеком.

Снаружи, по бокам судна,—резервуары, так называемые «воздушной балласт», которые в момент спуска наполняются водой и тем самым способствуют судно под воду. В то же мгновение наружный люк закрывается, и на том месте, где было судно, тихо расходятся круги воды. Опоздать с закрытием люка нельзя: 30% катастроф происходит от несвоевременно закрытого люка.

Научная мысль или меньше воды, капилан судна регулирует глубину плавания. Стальное тело судна рассчитано на давление воды (от 7 до 8 атмосфер), что дает возможность нырнуть на глубину 40 метров, но обычно не спускается ниже 15 метров, ибо на этой глубине подводная лодка уже вне всякой опасности столкновения. Ведь, самые большие крейсера имеют глубину посадки не больше 10 метров, и при 15 метрах подводная лодка может спокойно нырять под судами флота без всякого риска для себя. Будучи погруженной в воду, подводная лодка дер-

Водолазы при снятии электрических прожекторов затонувшей подводной лодки.

жит направление по перископу. Перископ—это зрительная труба на верхней части судна; при помощи этого прибора капитан видит все, что делается на поверхности моря ва очень большом расстоянии.

В задней части судна находится род узкого туннеля, где человек помещается с трудом. Здесь сосредоточена вся грозная сила подводной лодки—ствол для выпуска торпеды или мины. Довольно невнятно рычаги и мины выластят из ствола в воду, проносятся стремительно 200 метров и взрываются, разнося в щепки судно, под которым она взорвалась.

Во время мировой войны устраивались облавы на мирные пассажирские судна и их тонили среди океана.

В практике крушений подводных лодок есть и такие случаи, когда экипаж, затугоив без возможности вынырнуть на поверхность и отчаявшись в спасении, «выстреливали» поочередно из узкого ствола вместо мины в море. Некоторым удавалось, таким образом, спастись.

¹⁾ Давление атмосферы—1 килограмм на кв. сантиметр или 100 килогр. на 1 кв. метр при 8 атмосферах—800 килогр. на каждый кв. метр.

КОГДА погрузится лодка на глубину 10—15 метров, тонина плавания охватывает всех находящихся внутри нее. Решет ли брыз на поверхность, стонет ли орудия—ничто из этих звуков не доносится к горсточке лаву, замурованной в узкую стальную скорлупку. Благодаря тому, что судно герметически закрыто, температура очень быстро поднимается и вскоре становится нестерпимо душно и жарко,—температура доходит до 40°. Кроме того, в узком коридоре, внутри судна очень мало места и нельзя передвигаться быстро поднимается и вскоре становится нестерпимо душно и жарко.

В силу этого на подводной лодке каждый человек экипажа имеет свое определенное место и определенную часть работы, чтобы не передвигаться без нужды с места на место.

ПРИЧИН возможного крушения подводной лодки много: взрыв, порча машины, столкновение с другим судном, наконец, все случаи, когда порча механизма «балласт» не дает возможности подняться из глубины моря. В последнем случае, даже без немедленной помощи, экипаж обречен на гибель. Запас воздуха достаточен на 10 часов подводной лодки. Затем в течение 3—4 суток люди будут дышать испорченным воздухом, задыхаясь в агонии, а далее—смерть.

Ждать скорой помощи трудно, особенно если подводная лодка затонула в открытом море. Ведь, неизвестно, где именно она затонула. Начинаются длительные работы «драгирования» для выяснения точного места катастрофы. Для этой цели 2 судна медленно продвигаются по данной части моря, точно паучи, делаящие борозды ряд за рядом.

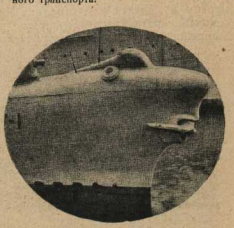
Каждое судно держит на борту один из концов толстого кабеля, снабженного в средней части грузами. Этот кабель тянется между судами по дну моря, и, если обнаруживается на препятствия, немедленно спускают водолаза обследовать, не позволяя ли это лодка. Найдя ее, приступают к подъему.

Но работы по подъему подводной лодки затягиваются так значительно, в редких случаях удавалось спасти живых экипажу.

Теперь с развитием радио вникта возможность отыскать местонахождение затонувшей подводной лодки без длительного драгирования дна. Конечно, в том случае, если экипаж к моменту поисков жив.

На многих подводных лодках сделаны также попытки значительно увеличить запас кислорода для возобновления чистого воздуха.

Но еще многое остается сделать в этом направлении, многое, конечно, и сейчас, но какое государство дерзнет в секрете свои усовершенствования, ведь, подводные лодки—орудия войны, а не средство мирного транспорта.

Самая большая подводная лодка в мире, сооруженная в Америке.

МАСКАРАДЫ ВОЙНЫ

Н. В. ГЛОБА МИХАЙЛЕНКО

ПОД ВОЕННОЙ маскировкой подразумевается искусство спрятать от глаз вражеских разведчиков расположение войск, артиллерийских батарей и т. д.

С развитием авиации стало во много раз труднее добиться совершенства в этой области. Самолет, летящий над местностью нашего расположения, может охватить очень большой горизонт и увидеть как передвижение колонны войск, так и расположение орудий. В предстоящих войнах маскировка принадлежит большому будущему.

В империалистическую войну на западно-европейском театре войны на военную маскировку было обращено очень большое внимание.

В данном очерке мы и будем опираться на фотографии маскировок, сделанные в то время в Бельгии и Северной Франции.

Французская 75 м.м. пушка, которой так гордились французы, наиболее ревниво охранялась союзниками былой царской России. Для маскировки орудий, если батарея установлена вблизи перелеска, чаще всего прибегали к созданию искусственного кустарника. Нагромождением веток и мелких деревьев достигали впечатления перелеска, и летчики с высоты обманывались и не могли определить, где оканчивается лес и где начинается подделка.

Иной раз пользовались, как базой для искусственного леса—одним, двумя настоящими деревьями, вокруг которых искусно располагали ветви и сучья.

Разрушенные деревни, мельницы, нагромождение камней и валунов в месте, пострадавшем от усиленной бомбардировки, также давали возможность упрятать орудия от зоркого «воздушного глаза».

Если орудия стояли среди поля, то над ними делали навес, который затем маскировали слоем сена так, чтобы издали или с высоты это казалось стогами сена.

Устраивались также бутафорские домики или орудия окрашивали в цвет, подходивший к данной местности, чтобы они сливались с землей.

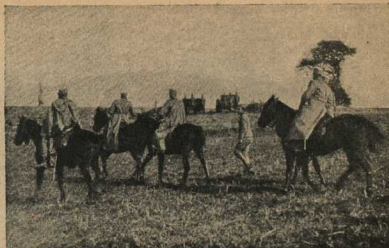
Подчас орудия ставились под скатом холма и на верх холма нагромождали кустарник, свисающий над орудием.

Подступы к позиции для охраны от вражеских разведчиков защищались маскированными рвами, представлявшими собой ловушки для врага, при чем сверху накладывались содоменные мосты, чтобы скрыть их от взгляда, а на мосты набрасывали траву, благодаря чему рвы казались продолжением луга.

Часто целые леса насаждали искусственно для того, чтобы сбить с толку противника; если позиция имеет временный характер, то довольствовались тем, что срубленные деревья втыкали в землю, как зеленые колья; в случае постоянной позиции, пересаживали деревья с корнями.

Для скрытия батарей в лесу делали просеки, необходимые для удачной стрельбы орудий и в то же время сажали перед орудием деревья для маскировки его.

При передвижении войск маскировали дорогу, т. е. проводили новую дорогу, по которой прогоняли пару обозов, чтобы

Над орудиями устраиваются навесы, которые над ли кажутся стогами сена.

притупить ей избитый и изъезженный вид и старую дорогу, проведя по ней войска, маскировали посадкой деревьев, паханием и т. д.

Это делалось с целью скрыть направление ухода войск.

За рубежом маскировка достигала иной раз высокой степени техники, в России же она носила скорее кустарный характер.

Французы и немцы не жалели времени и труда на то, чтобы создать целые ряды искусственных траншей, чтобы ввести в заблуждение неприятеля и направить их внимание на тот или иной участок фронта, в то время как настоящие траншеи маскировались мостами травой и кустарниками.

Воздушная маскировка, имевшая целью скрыть от взоров наблюдателей с земли летящий аэроплан, сделать его незидимым и недоступным обстрелу зенитными орудиями, достигалась окрашиванием крыльев в цвета, сливающиеся с воздухом; в иных случаях крылья делались даже прозрачными.

В конечном итоге, осенняя маскировка не может совершенно скрыть от неприятеля то, что желательнее скрыть—она только затрудняет задачу разведки, и поверхностный осмотр местности является недостаточным.

Тем не менее роль ее в прошлую войну была очень велика, и в настоящее время на маневрах ей тоже уделяется большое внимание.

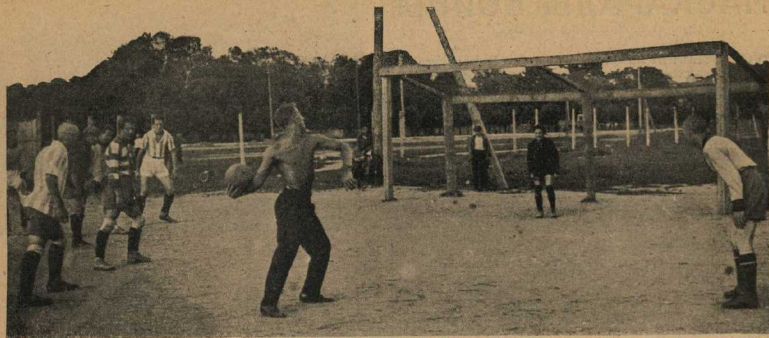
Сосем особое место в маскировке занимает скрытие от врага и защита от воздушной атаки. Италия первая начала применять с этой целью так называемую «дымовую завесу». Особые газы, безвредные для человека, выпускаются из газометов на судне и окунают его густой пеленой тумана часто на $\frac{1}{4}$ мили в окружности. Конечно, летчик по туманному пятну может судить о том, где-то под этой завесой находится судно; но бросить бомбу он может только наугад, без точности и уверенности в попадании.

Опыты с дымовыми завесами проводятся в настоящее время во всех государствах на морских маневрах.

Также тщательно изучают законы кроветельственной, защитной окраски животных и растений, чтобы воспользоваться ими для защиты отдельных бойцов.

«Индивидуальная» маскировка художника, работавшего на передовых позициях.

ХАНД-БОЛ: штрафной удар в ворота противника.

ИГРА В РУЧНОЙ МЯЧ

ХАНДБОЛ

Статья В. ГРОМОВА.

ОДНОЙ из увлекательных игр, введенных за последнее время к нам из-за границы, является игра в ручной мяч, необычайно увлекательная и интересная.

Ручной мяч представляет большое сходство с футболом, но здесь в процессе игры принимают участие не только ноги, но и руки, верхний плечевой пояс. Играть в хандбол следует рекомендовать и женщинам, так как и для их организма игра эта вполне доступна.

За границей ручной мяч уже давно получил все права гражданства. Так напр., в Германии он появился еще в начале нашего столетия, а в последние годы привлекал к участию в розыгрыше первенства свыше 1000 команд как мужских, так и женских.

У нас, на Украине, хандбол пользуется большим симпатиями. Соревнования посещаются публичной, почти как театральные зрелища. А это уже говорит за то, что хандбол может быть хорошим агитатором физкультуры? Каковы же правила этой игры?

В игре по правилам принимает участие 2 команды, по 11 человек в каждой. Команда расставляется так же, как и в футболе, т. е. в воротах вратарь, затем два защитника, три полузащитника и пять человек нападения.

Поле берется размером 90×60 метров. Последнее его проведена белая линия, делящая поле пополам. По бокам

будут боковые (мячевые) линии и лицевые (более короткие).

Ворота ставятся на крайних линиях площадки и делаются высотой 2,40 метра для мужчин и 2,10 для женщин. Длина их—5 метров.

В 8 м метрах от каждого ворот проводится линия, длину в 5 метров, концы которой будут соединены с лицевыми линиями радиусом в 8 метров. Эта площадь будет иметь название: «площадь ворот».

Затем проводится следующая линия—в 16,5 метров от ворот, линия,

окружающую в 9 метров. От этого места начинается игра.

По свистку судьи центральный нападающий, держащий мяч, быстро передает кому-либо из своих, тот следующему и т. д.—мяч идет по направлению к воротам противника. Последний в свою очередь старается мяч отобрать, взять себе и вести игру в сторону противоположную.

Ударять мяч ногой—воспрещается. За это дается штрафной удар.

Мяч ведут к воротам противника двумя способами: или распасовой, т. е. передачей его сильными бросками своим партнерам или «дрибблем».

Этот способ состоит в следующем: игрок бежит с мячом, при чем все время ударяет его одной из ладоней рук об землю. Это производится в силу того правила игры, что игрок не имеет права сделать более 3-х шагов с мячом в руках. Ведя же его ударяя об землю, можно пробежать все поле, если не отнимет мяча противник.

Привыкнув к быстрому ведению мяча «дрибблем»— весьма трудно, но вместе с тем необходимо, так как это один из основных технических приемов в игре. Задача, которую ставит себе каждая команда—это подойти к воротам противника настолько близко, чтобы сильным броском забить гол.

При этом не нужно забывать следующих основных правил: игроки команды,

ХАНД-БОЛ: посыл...

параллельная лицевым чертам. Эта линия образует площадь офсайда. Здесь же делается отметка белой краской места одиннадцати метрового штрафного удара.

На центре поля проводится круг,

которая нападает, не имеют права вступить на „площадь оффсайда“ раньше, нежели туда попадет мяч. И обратно. Нельзя оставаться там после того, как мяч уже ушел. С оффсайдами в практике игры всегда большие недоразумения. Наши игроки или плохо понимают это правило или же, увлекаясь игрой, забывают следить за линией и не дожидаются, когда мяч перейдет ее—переходят ее сами, чем вызывают свисток судьи и бросок мяча в сторону своих ворот.

В площадь ворот ни один игрок обеих команд вступать не может. Там имеет право находиться лишь вратарь данной команды. Это поде его операций.

Работа вратаря весьма сложна и вместе с тем ответственна. Ведь в конечном результате от него зависит итог игры. Невнимательный вратарь, не умеющий правильно брать мячи, падать при их приеме, недостаточно резко и быстро работающий—может привести всю команду, которая как бы хорошо ни играла, все равно будет обречена на поражение, ибо стоит противнику только раз прорваться к воротам, как гол уже обеспечен.

Грубости, которые мы видим отчасти и в футболе, здесь устранимы. Нельзя ставить подножки, толкать и ударять противника, намеренно бросать в него мячом и т. д.

Правило „корнера“ — тождественно футбольному. Здесь также, в случае если за лицевую линию мяч забивается игроком команды, у чьих ворот происхо-

ХАНД-БОЛ: волкиер готовится отразить удар

дит борьба—противоположной стороной дается удар „корнер“. Наоборот, в случае, если мяч будет забит за лицевую линию игроком противоположной команды—дается свободный удар в их сторону.

Игра продолжается 2 раза по 30 минут для мужских команд и 2 раза по 20 минут для женских.

Выигравшей считается та команда, которая забьет в ворота противника наибольшее количество очков (голей).

Следует запомнить, что гол должен быть засчитан даже в том случае, если его сделала случайно свой же игрок.

В случае, если игра прервана из-за получившейся свалки, несчастного случая с игроком и т. д.—дается спорный

бросок. Судья подходит к месту, где была прервана игра, и кидает мяч вверх. До тех пор, пока он еще у него в руках—остальные игроки должны находиться не ближе 6-ти метров.

Задачи игроков следующие. Вратарь должен защищать всеми дозволенными способами ворота от ударов противника. Зашита—ликвидировать прорыв и нападение линии нападающей противной стороны. Полузащита—отбирать мяч у противников и сильными бросками передавать его своей линии нападения. У нападения—все стремления сводятся к тому, чтобы быстро провести мяч и забить гол.

Залогом успеха в игре является сыгранность, тренированность команды. Если каждый игрок стоит на своем месте, не носится, как угорелый по всему полю, но внимательно следит и „держит“ своего противника, то такая команда имеет много шансов на победу. Вообще здесь коллектив—это все. Технически хороший игрок—но индивидуалист, будет только портить спящую команду. Все внимание нападения на тренировке должно быть обращено на умение передавать мяч, проводить его „дрибблем“ и на удар по голу. Последний надо особенно тщательно разучивать, используя удары по углам, низовые и верхние.

Ручной мяч—игра, которая должна получить самое широкое распространение в наших спорт-кружках.

ХАНД-БОЛ: один из интересных моментов в игре.

ДРАМКРУЖОК ТЕКСТИЛЬЩИКОВ

Очерк З. ЧЕБОТАЕВА.

Живой плакат на сценке «Заговор империалистов против СССР».

СТОЛОВАЯ Нарпита Кооператива имени Загорского. В углу большой компанией обедает вся группа драмкружка Рабочего Дворца им. Ленина. Молодые рабочие артисты в ярких, красочных костюмах. Они только-что прибыли с Ходынки, где выступали в номерах живой газеты. Губотдел Союза текстильщиков по проведению праздника международного дня Кооперации организовал на 6-ти автомобилях сцены-передвижки.

Текстильщики пользовались большим успехом у публики. В лицах драмкружковцев до сих пор видны оживление и удовольствие от пережитого успеха. Они деятельно работают ложками и вилками, «поддерживают кооперацию». Серьезно угощает своих артистов Культотдел Союза Текстильщиков. В перебой обмениваются своими впечатлениями.

— Ребята,—говорит один,—а заметили, как корчилился от наших песен изманы, когда мы ехали по улице на сборный пункт.

— Не любя им кооперация, поясняет другой,—хлеб у них отбивает... обманывать не даст...

— Видно, скоро им крышка-хлопая себя по затылку, с комической гримасой решает Петрушка. Востроглазый, юркий кружковец с увлечением рассказывает о том, как строило и внушительно ехали шесть, красиво обранных автомобилей со сборного пункта у клуба Красно-Пресненской Трехгорной М-ры на Ходынку.

— А публика-то как нас встречала,—с восторгом говорит он,—так и тарачит глазами... останавливаются... шапками махают.

— «Ура» кричат... Эх, и здорово... На наш автомобиль да на «Штаб» больше всего заглядывались—сообщает красноречивая девушка в сарафане.

— Это на тебя!—смеются над ней.

— Уж больно ты фасониста, когда поешь,—в рот футбол влететь может.

Девушка оправдывается.

— Нет, правда, же, говорит она, разве вы не слышали, как одобрительно отзывались о наших плакатах встречные—вель криво же.

— А лихо мы врезались в толпу!—Полхватила молодежь... с песнями,—организованно...

— А народу-то сколько...

— А я,—рассказывает один,—умудрился посмотреть на парад Кр. армии—здорово один кавалерист лошадь заставлял танцевать—она и плясала, и боком ходила, и кланялась... А потом рубка шашками была...

— Ну и ловко у них выходит... Уж тут, брат, не полайся,—так пополам перехватит... Только не мог я всего посмотреть, что было на Ходынке.—с сожалением говорит он.—Надо было выступать...

Начинаются долгие общие воспоминания о том, как радостно встретили, как много народа собралось слушать номера живой газеты, как много одобрительных слов и рукоплесканий раздалось им в похвалу.

— Ребята,—говорит руководитель кружка,—а мне передали, что комиссия признала автомобиль Рабочего Дворца лучшим изю всего.

— Нам два раза по 5 с плюсом поставили, а уж потом—клубу имени Титова,—ему поставили 5 с плюсом и 5.

— Текстильщики, говорят, молодцы. Видна у них организованность и спайка*.

Кружковцы довольны сообщением. Радостно блестят глазами.

— Не подкачаем, Иннадий Иванович,—говорят они с задором.—Текстильщики были и будут впереди*...

Можно залюбоваться, когда видишь, как ребята разделяют под орех живую газету, играют айкики. Словно, и впрямь настоящие актеры!

А, ведь, среди них нет ни одного такого, кто не был бы связан прочно производством.

Это лучше всего говорит кружок текстилей не один. Тысячи драмкружков в профклубах, по заводам и фабри-

кам работают, показывая очень большие успехи.

Это лучше всего говорит о том, где и как строятся зачатки современной пролетарской культуры.

В ВЕРХУ: сценка «Возвращение в кооперацию». В СЕРЕДИНЕ: На авт-автомобиле разыгрывается сценка «Заговор империалистов против СССР». ВНИЗУ: Кружковцы обедают в столовой.

ПОДШЕФНЫЙ МОРСКОЙ ВОЛК

СПАРТАК, иллюстрации К. УРЕБИТС

24

Ситка присутствует к докладу...

Степка Сачков — краснофлотец.

До этого он, Степка, любил читать Майн-Рида, Райдер-Хатгара и Жюль-Верна. Быстро хмелел от всяких бомб, брам-рея, кройт-камер и гальюнов.

Застылавшая его эта самая тишина океанская, быстро сменявшаяся грозой, ворчанье бурнов, когда 4-мачтовый, семитрунный бриг бросает, как щепку... Потом исскачет пресная вода и старый Биали режет по жарбю вилку Керри...

Итак, Степка — краснофлотец.

Многое узнал сейчас. И не хмелел от гальюнов, нет.

Сейчас Степка стоит в комиссарской каюте. Получает увольнительный билет. Едет домой на побылку.

У стола комиссар:

— Так ты, Сачков, того, как приедешь, сразу доклад о шестине над флотом, расскажи, как мы работаем, сколько добились. Рассказывай. Э-э, ночью, все, как полагается и т. п., так чтобы, как на ладони!

— Что вы, тов. комиссар! Не верьте, я насчет всяких там докладов, вышедши навалфлант. Уж подзаваю, т. е., я хочу сказать...

...Зал М-ского Райкома битком. Доклад краснофлота Степка Сачкова о флоте. Тема интересная, и ребаг прилепо вкоре.

В сцене почтительный президиум и т. п. В конце Степка. Звонок. Тишина.

Голос председателя и Степка приступает к докладу:

— Братки, годки и пр., мошх Красного флота это аксиома, не требующая доказательства, по этому я и начну вам сразу из всяких. Я расскажу вам, когда я плавал на наших сверхдредноутах во военных морях.

Дело было в прошлом году летом. Наша бандара после месячного скитания по Байкальскому озеру пришла снова в Ленинград. Так как мы решили долго отдохнуть, то мы стали на бакчу.

Для всей команды настали фартовые денки. Мы вылезали, как кометы на буржуазных, иппичах и впра не смогла бы поддать нас, но это было не долго. Солнце заглядывало в мой бинокль и мешало мне наблюдать за неприятельской эскадрой, заведывавшей нам свое миролюбивое орудинной стрельбой по нашим алюминаторам.

Эй, палуандра — захричала в меклофой. Сто чертей. Какого дьявола хотеть здесь эти молоскосы? А ну, пошутуйте их волюзмержен... Во всешь палок им в шляпугаты.

Через минуту сигналы трельялись на флагах нашего ярского корабля — оплота Республики, а потом выстрел

сорвался с бурнудука и началась баталия.

Специальные люди, баталеры, с быстрой молнии носились от баталерок к камбузу, от камбуза к актерным люкам, заданная текущие пробочки. Корабль дрожал от выстрелов и рванушихся сварадов. К вечеру я опустил бинокль, вынул стакан трюгу и приказал помыть матов убитых.

Вой был окончен.

В течение пяти часов эскадра тиных шмаколов империализма, оплота чернишей реакции, была уничтожена. Но и мы не дешево отдалась. От чересчур усиленного упрощения в конце вышли из строя, изготовленные по последнему слову техники, гальюны.

Мы остались без одного выстрела и, самое главное, потеряли все якоря. В разгаре боя мы этого не заметили и лишь теперь ужасная истина открылась нам. Нам быстро пришлось вноз по течению. Какое-то незваное города мелькала вдаль...

Мы найдем неотъемлемый остров и организуем при безусловной поддержке индейцев, папуасов Социалистическую Республику.

Степка захлебнулся и остановился передавать.

В зале в глубокой тишине надвигавшегося вечера все заслыло. В первом ряду вилала в стул Нивка и, как зачарованная, глядела на докладчика.

— Да, продолжал Степка, — де оно было швах. Я созвал команду и произнес им речюк, хоть вам и слышны морской язык, но все же я считаю своим долгом повторить ее.

— Дорогие товарищи, комсомольцы! Теперь ша и ре. Довольно мы избо-

дуз, товарищи, удавка сжала мой кут, и на алюминаторах показались саезы.

— Но нет, мы не умрем, но уйдем в безбрежные дали, найдем там неотъемлемый остров и организуем, при безусловной поддержке индейцев и папуасов, местных жителей, Социалистическую Республику...

Потом товарищи, я буду краток, — у вас на корабле был бутт. Длинноногий Биали хотел жениться на дочери капитана и оладжмы мы убили его в кабачке Сав-Франшиско.

Потом у нас истощался, провиния и пресная вода, мы вывесили флаг белствия, а неотъемлемого острова никак не могли найти...

Круглоронные часы с эскивастом строили роки уставишим комсомольцам, то этак стрелки поставят, то в роде рожек, а когда стрелка часов снова застыла на 2х — 3х — 3х.

Степка Сачков допел седьмой гравин воды. критически огладел зал, сплюнул и с соблазненным видом произнес:

— Эх, салажата же... Уснули. Никакого уважения к Красному флоту, А потом с сожалением добавил:

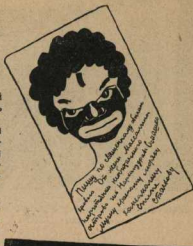
— А жаль, что не услышали до неотъемлемого острова, я буж поддала и насчет революции и насчет негритного, дядом, что-ли, географию испортити.

Степка бережно вынул из кармана белую картонку с наклеенным на ней изображением негритянки.

Эх, салажата же... уснули.

(Негритянка с острова Таити". География Иванова в Часть 5. ГИЗ 1925 г. Тираж 100.000 экземпляров. На обратной стороне картонки красными чернилами было написано (по-русски).

Негритянка с острова Таити. География Иванова. Часть 5. ГИЗ. 1925 г. Тираж 100.000.

Пишу по священному обычаю негритянки неотъемлемого острова им. Наркомзавра Семеевича — мужу, Красному морю комсомолу Степе Сачкову*.

На столе, что покрыт красным сукном, сиротно белела соляная куча вопросов докладчику. О влинии комсомола во флоте, о паргработе, о строительстве, о связи с армией, о новом приеме во флот и о многом другом. Было 2 часа ночи.

ОБЪЯСНЕНИЕ НЕПОНЯТЫХ СЛОВ

- 1) Бом-брам-рея — одна из поперечин на мате.
- 2) Кройт-камера — место для хранения взрывчатых веществ.
- 3) Гальюн — Уборная.
- 4) Кхехты — металлические столбы или стойки, крепко укрепленные на палубе. Служат для закрепления веревок.
- 5) Бурнудук — снасть, веревка служит для укрепления и обтягивания.
- 6) Вира — выбира, поднимай. Морское выражение.
- 7) Собачья вилка — дежурство с 12 часов ночи до 4х утра.
- 8) Палуандра — по морскому означает — берегись.
- 9) Мегафон — рупор больших размеров.
- 10) Во всешь палок — сигнал прежде втравливания на барабаны, теперь на горни, — означает едет или свист чехлы с орудия, шлюнок и т. п.
- 11) Шапугаты — ребра судна идущие вдоль борта, к ним крепится обшивка.
- 12) Выстрел — длинное толстое бревно, идущее горизонтально от борта корабля. Служит для перехода по нему людей на шлюпки, которые во время стоянки привязываются к выстрелу.
- 13) Батагер — залок.
- 14) Камбуз — судовой кухня.
- 15) Актер-люк — погреб в кормовой части корабля для хранения провизии.
- 16) Мат — тканый, плетенный коврик.
- 17) Ша и ре — выражение в кормовой части корабля, что все кончено.
- 18) Дечь и дребенф — расположенные паруса так, что корабль не движется.
- 19) Оверштаг — Поворот на парусах против ветра, в первом смысле означает "прованый".
- 20) Удавка — особый вид морского якоря.
- 21) Кязю — сквозное отверстие в борту на носу, для пропуски корабля, цепи.

Что читать?

№ 15 ЗАДАЧА (ШИФР)

ИВАН РАХИЛОВО «СЫН У ДИ ПЫ», Изд. «Новая Москва», 1925 г. 62 стр. Цена 20 коп.

В небольшой книге молодого писателя Ив. Рахилова о пять рассказов. Лучшие из них — «Сын улицы» и «Вилля». В первом («Сын улицы») беспризорник Мотыка, убежавший из детского дома, пристает к красноармейской части и благодаря этому порывает с улицей.

В этом рассказе Рахилов показал себя писателем с большой наблюдательностью и чуткостью. Не совсем удовлетворит лишь несколько несправедливый конец рассказа.

В «Вилляе» о молодого татарчика, воеводе эксплуатации хозяина, производится классовое сознание.

Образы в этом рассказе организованы, согласуются с обстановкой, например, «Белые бараны не бегут пьют, а за баранами мысли у Вилля плетутся».

«Куда бегут облака? Далеко, наверно. А толстые канки, как у хозяина Хабубюба баранам в стаде, так думает пастиг-татарчак».

Рассказ И. Рахилова написаны очень живо и увлекательно. Недостатком является их сюжетичность в построении, отчего некоторые факты и положения являются непонятными, необъяснимыми. Наиболее ярко это выражается в рассказе «По уступу», где крестьянская девушка Таниа приезжает с мужем в город, а муж, атакующий ее в коммуне и становится активной работницей и рабочим.

Здесь мы сталкиваемся с интересным фактом — перепиской. От Тани и переписки деревенской писанины (в начале рассказа), по другой, новой Тани — активной работницы, про которую при передаче ее в партийный секретариат партийный говорит: «Вот б не ее замкнет в газете, а во давно попер бы в трубу. Сегодня ее как активной работу работница мы принимаем в ряды нашей партии».

Но это мы узнаем только из слов секретаря ячейки. Переживания же этого автора на протяжении рассказа не показаны.

Язык у Рахилова сочный, фразистый, яркий, образен, примеры которых мы дали выше интересны, не затасканы.

В общем, Рахилов интересный молодой пролетарий писатель с большой наблюдательностью и не меньшим талантом. Ему нужно, конечно, еще много работать, но немалые достижения уже у него и сейчас.

Ю. Г.

Проф. П. И. БРОУНОВ «НЕБО И ВОЗДУХЪ 2-е изд., дополненное и исправленное», Госиздат, Ленинград—Москва, 1925. Стр. 60, т. 160. Цена 25 к.

Эта маленькая книжечка представляет собою αρχавазду метеорологию или учение о воздушной оболочке земли и явлениях, происходящих в ней (погода).

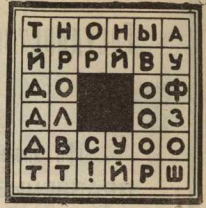
Написана она одним из лучших русских специалистов по этой науке; но, в отличие от большинства произведений специалистов, она написана чрезвычайно доступно и просто, так что ее не трудно понять даже и не много читающему на своем языке человеку и не много знакомому с книжным (литературным) языком. Кроме того, книжечка эта, несмотря на свою общедоступность и краткость, содержит почти все последние важнейшие достижения в области метеорологии и может оказаться полезной не только учащемуся, но и учителю, в качестве краткого и образцового элементарного справочника. Книжечка снабжена картинками, но отвлеченными рисунками.

Горько рекомендуем ее всякому, кто хочет ознакомиться с вопросом, что такое небо и воздух, что о них известно и что еще надо знать о них.

В. М.—ч.

В этом квартале помещены буквы азбуки. Предлагаем прочитать этот азбуки следующим образом: из буквы вырвать квадрат, то же сделать, и расставить его на клетки как на рисунке. В клетку прорезать наизусть с таким расчетом, чтобы при наложении прозрачного квадрата на квадрат с буквами, слова отстояли, были бы видны первые 6 букв азбуки, а при постепенном выхождении прозрачного квадрата обозначались бы и остальные буквы азбуки.

Какие клетки нужно прорезать и какой это азбуки?

Почтовый ящик

Н. РУМЯНЦЕВУ (Гомель). Присланные стихи не пойдут. У тебя есть лишнее коммодольный забор, отдельные строфы твоих стихов создают известное настроение. Вот, напр.: Выходи гулять, ахотю бегоду зынь. Взор огнем, булыжником слова. Взаор огнем, булыжником зынь. Взаор огнем, булыжником зынь. Для чего все в мире—три-трава.

Или так: И ты теперь как хорошо из клуба Шагать с тобой я резвеемлю толпе. И омыдаль, когда вот эти губы Впервые скажут: скоро в РКП. Но в целом стихи слабы. Ты еще не овладеваешь искусством стихотворения. Во всех стихах твоих нет единства мысли.

Письма и печатания пока в местных газетах, а для журнала требуются более совершенные стихи.

П. ЕВБЛСОНУ (Маринуполь). Из твоих стихов ядуд два «Тени ушедшего» и «За водой». Прислать еще.

Н. ЗАРНИЦЫНУ (Саратов). «В избу-читальню» пойдут. Остальное нет. Шли.

Н. СИМОНОВУ (Херсон). Присланные стихи не пойдут. Совсем непонятно, почему ты каждое слово пишешь в отдельную строчку?

- К букве
- Азбуку
- Мышкин
- Его
- Знает
- Мя
- Лыбеком
- Вылезем
- В массы
- Ночью
- Свет

Если ты хочешь подрывать Маяковского, то для этого тебе еще нужно переработать и прочитать по возможности твои стихи. Маяковский. **С. ГРОМОВУ** (Тифлис). Передай в «Молодой Ленинец». Пошей литературные собрания коллектива «Красные Вдохлы» — они помогут тебе во многом развиваться.

Е. АПРЯТИНУ (Самара). Твои стихи слабы. Не пойдут. Ты пишешь: «Теперь поюш. Шум. Смех. Выгляды кривки, Восторожно сияют лыки, Елудят выкармливая губы. Блещет перница и золотые лубки. Зачем тебе пондобилось укладыть все это в стихотворную форму? Гораздо лучше получилось бы это в простом рассказе».

У тебя как видно, нет еще навыка, ты не чувствуешь ритм стиха. Потом и получаются такие тяжелые строчки. Потом простое перечисление букв, «убы, елывки» — ничего не дает читателю.

Тебе нужно связаться с литературной организацией «Слово», она может помочь тебе развиться во всей этой сложной творческой стихотворения. **Н. КОЗЛОВУ** (д. Вершинино, Ветской губ.). Стихи не пойдут. Попробуй писать заметки о жизни нашей ячейки, об участии коммоды в сельхозете, в кооперативе и т. д.

Это будет и легче для тебя и ценнее для нас.

Насчет поступления в парткомую ходи в ячейку или уком, там тебе дадут и информирующую отчет.

АМПИЛГОВУ (ст. Горькова). Твои стихи не пойдут. Для журнала они слабы.

Ты еще не справляешься с формой и словесным материалом. Печатайся пока в стенгазете.

Попробуй, напиши нам очерк или заметку о жизни молодоя или рудничных работниц.

В. ВОЛГИНУ (Севастополь). Твой рассказ «Налет на село» не пойдут. Его-либо и нельзя назвать рассказом. Это маленькое воспоминание, очень плохо обработанное со стороны формы.

В. ЛЕСОНОВИЧУ (Ялта). «Стелу» — рассказ слабый, не идет. Ты пишешь:

«...Рейта физкультурника. Играли в футбол, катались в лодках, плавали. Закуривали и реие, и реие, а балласту деревню, на незнакомое произведение».

Все это перечисление ничего не даст читателю, это можно вернуть и не вернуть — неудачливо.

В рассказе малое всего нужно переписать и рассказывать, а больше показывать. Тебе нужно было передать так, чтобы читатель видел эти ребята, видел бы, как они играют в футбол или катают ся на лодке и т. д.

Помежься разговором — доблесе пока.

Зен. ШТЕЙНМАНУ (Обесская). Часть присланных стихов использовать.

Б. КРЕВИН ДЕЛЬ (Москва). Зайди в редакцию к тов. Крушу.

Н. ПЛЕКИНУ (Харьков). Рассказ не пойдут. Ты еще очень плохо владеешь пером, у тебя нет пока ни писательского навыка, ни художественного чутья. Потому и получился у тебя не рассказ, а бесполое словосложение. Больше читай Чахова, Горького, Нерова и др.

А. КУЗИНУ (ст. Голутвино). Твое стихотворение «Сегодня вечером» написано плохо, но оно ценнее по сравнению с твоим Крушу.

Играй рубанок под ружья, Звучи зубастая пила.

Или: Вспомни стужки легкой пташкой, Смыслыст заветы обиды. Учишься у В. Казина лучше, но нужно также и давать что-то более самостоятельное, свое. Прислать еще.

И. СОСЕВУ, **Н. КОЗЛОВУ**, **ГРИМОВУ**, **А. КАСПАРОВУ**, **А. КАТЕНКО**, **К. КОСОВУ**, в ПЕРСПЕКТИВУ. **Б. ДОВЖИКУ**, **В. КОТКОВОЙ**, **Л. ПЕТРОВОЙ**, **О. КУЛИНУ**, **М. ШОБАНОВУ**, **И. МАРКОВСКОМУ**, **А. СОКОЛОВУ**, **М. КОПТЕВУ**, **Б. КУДРИНЦЕВУ**, **Ш. РАХБЕВУ**, в ПОЛНОМ. **Е. АПРЯТИНУ**, **Н. ТОРАКОВУ**, **М. ТОРИНУ**, в РОГОЗЕ, **Н. ТУЧИНУ**, **Н. ЕМЕЛЬЯНОВУ**, в СВЕЛТО. **ГОРГОСКОМУ**, **Д. ПОПОВУ**, **М. ЧИКЛАДЗЕ**, в П. **В. ПОПОВУ**, **С. ДОРОЖНИКОВУ**, **В. КРЫЛОВУ**, **А. КАРВОВУ**, **А. КАТЕВУ**, **А. КУЗИНУ** — Присланные нами не пойдут.

Ребусы, шарady и задачи.

Корреспондацию по этому отделу почитать: отдел задач.

№ 11 МЕТАГРАММА.

№ 12 РЕБУС

Корова, лошадь и верблюд

Имя, что, возматка...

С конца с начала, там и тут

По буке отчиме.

Получим то, что в старой школе

Встречаешь в физике, не бое.

А в новой школе, что ни мс

Оно сопровождает нас.

ЗАГАДОЧНАЯ КАРТИНКА

№ 13 ШАРАДА

Н. Н. С.

Начало под вами.
Второе —ужалин.
А целое манит.
Широко вальс.

№ 14 ЛОГОГРАФИФ

С буквы «Р» —
«Что было смеяли,
С «П» —востой
в лесу Дель целой,
С буквы «Я» —
чтобы узнать,
Нобо солнце увидели».

На Н-ском вокзале ехавши хассир. Не отмишине ли вы его вдесть?

Государственная Импортно-Экспортная Торговая Контора

„ГОСТОРГ“

при Уполномоченном Наркомвнешторга СССР при Совнаркоме РСФСР.

ПРАВЛЕНИЕ: Москва, Ильинка, 14. Телеф.: 4-07-46, 3-27-07, 3-27-09.

Госторг объединяет специальные конторы:

Хлебную, Пушно-Сырьевую, Льняную, Маслоэкспортную, Мясную, Кишечную, Спец.-Контору, по Экспорту Разных Товаров, Техническую, Торговую и Химико-Фармацевтическую.

ГОСТОРГ имеет около 1000 филиалов, агентств, факторий и проч. Основной капитал ГОСТОРГА — 60 миллион. руб., годовой оборот — свыше 300 миллион. рублей.

ГОСТОРГ принимает коммиссионные поручения на Россию заграничных фирм.

ГОСТОРГ имеет консигнационные склады заграничных фирм.

ГОСТОРГ имеет представительства за границей.

ГОСТОРГ ЭКСПОРТИРУЕТ:

Продовольствие: хлебо-фураж, яйца, масло, мясо, битую птицу, икру, рыбопродукты, растительные и животные жиры и проч.

Сырье животное: пушнину всех видов, кожу, щетину, конский волос, рога и копыта, шерсть, кишки, нух и перо и проч.

Сырье растительное: лен, пеньку, кудель, кленку, фанеру, маслян. семенные и растительные масла и др.

Минеральное сырье: цемент, асбест и проч.

ГОСТОРГ ИМПОРТИРУЕТ:

Технические товары: машины для промышленного оборудования и сельского хозяйства, сельскохозяйственные орудия, электро-технические материалы и проч.

Химические товары: химические продукты и сырье, фармацевтические препараты, краски и проч.

Предметы широк. потребл.: мануфактура, галантерея, чай, сахар, пряности, кофе, канцелярские принадлежности и бумагу, хозяйственные принадлежности и проч.

Текстильное сырье: хлопок, шерсть, джут и проч.